

§ 2. Порубежники Московского государства — искатели кладов (случайные находки древностей и магическая «археология»)

«Легенды о золоте Бильбо давали пищу не только любопытству, но и надеждам, потому что золото, добытое таинственным, а то и вовсе неправым путём, принадлежит, как известно, тому, кто его найдёт, — если только добытчику не помешают».

*Дж.Р.Р. Толкиен.
Властелин колец. I.*

*«Смоленск и Тула, Киев и Воронеж
Своей прошедшей славою горды.
Где нашу землю посохом не тронешь —
Повсюду есть минувшего следы.*

*Нас дарит кладами былое время:
Копни лопатой — и найдёшь везде
Шут — в Данциге откованное стремя,
А там — стрелу, қалёную в Орде».*

*Д.Б. Кедрин.
Клады.
1942 год.*

У отмеченного в предыдущем параграфе стихийного интереса людей к древностям имеется своя обратная, причем теневая с точки зрения науки и культуры сторона. Имеется в виду **кладоискательство** — *грабительские, самовольные раскопки памятников старины* (на территории Восточной Европы в основном курганов и прочих земляных насыпей, заметных на местности) с целью обогащения. Это общественное явление возникает почти повсеместно уже на заре цивилизации, вместе с появлением товарно-денежных отношений и социально-классового неравенства. Во всяком случае, многие, по всей видимости, богатые погребения доходят до современных археологов ограбленными ещё в древности, сразу же или вскоре после их создания, а иногда и много времени спустя. Жертвами криминальной «археологии» становились египетские пирамиды и античные храмы, прочие святилища разных племён, скифские курганы и могилы других древних народов.

Версия некоторых археологов и антропологов о ритуальном характере разграбления свеженасыпанных курганов имеет слабое место: нарушавшие покой своих и чужих мертвецов смельчаки брали исключительно драгоценные вещи, игнорируя остальной инвентарь языческих могил, и сами кости, если перед ними была ингумация (труположение), а не кремация (трупосожжение).

Взять, к примеру, курган, раскопанный в 2005 году воронежским археологом Ильей Евгеньевичем Сафоновым на окраине Липецка ¹. Там, по всей видимости, была погребена очень знатная сарматка, царица или княжна. Над её заупокойным ложем был натянут балдахин, расшитый золотыми бляшками — идущими горными козлами и оленями. В центре красовалось схематическое изображение хищной птицы, как указал профессор Воронежского университета Александр Павлович Медведев — птицы Фарн, символа именно царской власти и вообще славы и могущества у арийских племён. Люди хорошо знакомые, по всей видимости, с устройством этой могилы ограбили её почти полностью. Должно быть, недолгое время спустя после её сооружения. В спешке они кое-что потеряли, и часть заупокойного инвентаря осталась археологам. Теперь эти находки украшают археологический музей исторического факультета Воронежского государственного университета.

*Профессор А.П. Медведев, кандидаты исторических наук
А.Ю. Гончарова (реставратор сарматского золота с балдахина в могиле),
И.Е. Сафонов — первооткрыватель погребения сарматской царицы —
в музее археологии исторического факультета Воронежского государственного
университета.*

¹ См.: Медведев А.П., Сафонов И.Е., Матвеев Ю.П. Сарматское «княжеское» погребение в кургане у г. Липецка // Российская археология. 2004. № 4. С. 97–107; а также: Сайт Липецкого областного краеведческого музея.

Поскольку мало-мальски ценные вещи в более или менее доступном и концентрированном виде находятся именно в погребениях, особенно хорошо различимых на местности при наличии могильной насыпи, остальные памятники старины осквернялись куда реже. Однако руинам древних поселений и фундаментов былых строений, в свою очередь, доставалось от местного населения — оно нередко использовало их как удобный источник строительного материала (песка, камня, кирпича и прочего, что пригодится в хозяйстве сельского жителя); подвергало их вспашке или застройке. С появлением пороха и огнестрельного оружия курганы юга России стали излюбленным местом производства селитры — необходимого ингредиента тогдашних боеприпасов.

Украшения балдахина над погребением сарматской царицы под Липецком. В центре — птица Фарн — символ царской власти у древних иранцев. Сайт исторического факультета Воронежского государственного университета.

Временами и местами кладоискательство принимало характер своеобразной психологической эпидемии, довольно распространённого занятия значительной части жителей того или иного района. В ряде регионов оно выделялось даже в особую профессию, причём нередко наследственную. До сих пор этот феномен, его психология и феноменология лучше поддавались художественному воплощению литературой и изобразительным искусством. Так, о специалистах по опустошению египетских пирамид живописно повествуют роман Болеслава Пруса «Фараон» и его

киноэкранизация, поставленная Ежи Кавалеровичем². У нас в Сибири, где богатых ценностями курганов («бугров») было больше, чем в Европейской части России, поисками в них золота на протяжении XVII – начала XVIII века занималась неформальная корпорация так называемых «бугровщиков»³. Другой ареной такой же вторичной золотодобычи рано стали Крым и остальное Причерноморье, где орудовали так называемые «счастливики». О кладоискательстве в центральных областях страны известно меньше⁴. Археологи и нумизматы, принимавшие на музейное хранение и публиковавшие дошедшие до них клады монет и других вещей, почти не интересовались мотивами их поиска и обстоятельствами находок. Их занимало не кладоискательство само по себе, а лишь его вещественные результаты, и то весьма выборочно⁵.

Популярно-беллетризированные очерки слухов и даже документов о кладоискании обычно искажают его значение для науки и культуры, причём чаще всего предельно грубо⁶.

Для юго-восточной окраины Московского государства, в том числе Курского края, высший пик этого нездорового увлечения приходится на XVII столетие. Тому имелись вполне объективные предпосылки. После восстановления в самом конце XVI века курской крепости, вокруг неё довольно быстро складывался крупный хозяйственный и военно-административный район России. Расширялся товарообмен, росли в цене деньги, а вместе с тем усиливалось угнетение «чёрного» населения, продолжалось

² См. также: *Элебрахт П.* Трагедия пирамид. 5000 лет разграбления египетских усыпальниц. М., 1984; *Ирвинг В.* Кладоискатели. М., 2004 (1824 год первого издания).

Имеется обобщение опыта криминальной «археологии» во всемирном масштабе в кн.: *Босов Г.И.* Сильбо Гомера и другие. М., 1985.

Общую классификацию кладов см.: *Баллонов Ф.Р.* Этюды о кладах // В кн.: *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.

³ См.: *Спаский Г.И.* О сибирских древних курганах // Сибирский вестник. Ч. П. СПб., 1818; *Матвеев А.В.* Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения сибирской коллекции Петра I // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992; *Дёмин М.А.* Курган «Золотарь» // Археология Сибири: историография. Ч. 1. Омск, 1995; *Куручкин Г.Н.* Большая охота за сибирским «могильным золотом» // Санкт-Петербург и отечественная археология. Исторические очерки. СПб., 1995.

⁴ См. подробнее: *Бердинских В.А.* Археология и кладоискательство (по материалам Вятского статистического комитета) // Проблемы истории отечественной археологии. СПб., 1993; *Щавелёв С.П.* Феномен кладоискательства на юге России в предыстории славянской археологии // Славяне и их соседи. Тезисы XV конференции. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени. М., 1996.

⁵ Скажем, в прекрасном образце популяризации истории и археологии — книге *А.Г. Векслера* и *А.С. Мельниковой* «Российская история в московских кладах» (М., 1999) очерку истории и социальной психологии кладоискательства посвящено всего 4 страницы из 272.

⁶ См., в частности: *Низовский А.Ю.* Зачарованные клады России. М., 2001, и многие другие поделки в том же фантастическом духе.

закрепощение крестьянства. Во множестве бежавшие сюда от разных «тягостей» «сходцы» и «утеклецы» из Центральной Руси чаще всего начинали на новом месте, что называется, с нуля, остро нуждались в средствах на обзаведение. Не случайно именно в Курске произошло (в 1648 году) одно из самых яростных антигосударственных выступлений того времени, жесточайшим образом подавленное ⁷.

*Николай Матвеев. Присып. 1996 год.
Репродукция на сайте художника «Галерея работ».*

⁷ См. подробнее: *Антилогов Г.Н.* Положение городского и сельского населения Курского уезда накануне восстания 1648 года // *Вестник МГУ. Серия «История».* 1972. № 5; *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30 – 40-е гг.). Воронеж, 1975. С. 118–126; *Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П.* Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII вв. Курск, 1999. С. 131–200.

Ощущение эфемерности людского бытия на краю Дикого поля питалось постоянной опасностью вражеских нападений на русские города и сёла, сторожи и станицы (со стороны не одних татар, но и «литовских людей»; «воровских» украинцев, так называемых черкасов; просто безродных разбойников).

*Дмитрий Анатольевич Белюкин. «Победа!».
2001 год. Сайт «Искусство живописи».*

Отражением указанных исторических событий и процессов в духовной жизни народа являлись мечты о лучшей доле. В частности — о готовом счастье, ждущем смелого и удачливого человека. Найти клад, разом обогатиться и тем самым разрубить гордиев узел жизненно-бытовых проблем — надежда, довольно-таки типичная для утопического сознания разных, особенно низших сословий Средневековья. Не единственная, конечно, мечта, но одна из вековых. Перспектива выкупиться из крепостной неволи, обрести свободу, движимую и недвижимую собственность, руководившая искателями подземных сокровищ, лучше всего объяснит нашему современнику кладоискательский пыл предков.

Свою лепту в формирование кладоискательских умонастроений вносила религия: христианство, переплетавшееся с остатками язычества. «Постепенное народное творчество выработало целую теорию, что крупные разбойники и большие богачи скрывают поклажее⁸, чтобы находчики, люди достойные, но бедные, помолились об их душе. На пути к кладам стояли бесы. Они принимали все меры к тому, чтобы поклажее не вскрылось и не принесло облегчения ни бывшим собственникам, ни будущим. Но молитва побеждает бесов», — объясняет социальную психологию «ловцов подземной удачи» историк Николай Яковлевич Новомбергский (1871–1949), автор специального исследования феномена кладоискательства на Московской Руси. «Время от времени в разных местах действительно находили в земле сокровища в виде денег и драгоценных предметов. Вокруг этих кладов складывались целые легенды. Эти последние вдохновляли на новые поиски. Малейшая удача производила посев новых легенд и т.д.»⁹.

Характерно, что в составе каждого из циклов исторических сказаний русского народа — о князьях Киевско-Новгородской Руси, об Иване Грозном, Ермаке, Кудеяре, Лжедмитрии, Разине, Пугачёве и всех прочих трикстерах российской истории — присутствовали сюжеты об утаённых сокровищах¹⁰.

Южная Русь в целом, и её Курский край, в особенности, давали немало поводов приступам кладоискательской лихорадки. Здесь веками сочетались основные факторы появления «имущества, неизвестно кем сокрытого» (как официально именовались клады до революции). Ценности в Древности, Средние века и раннее Новое время зарывали чаще всего на стыках торговых путей между основными монетными рынками; на путях интенсивных передвижений народов и товаров (на всём пространстве восточно-европейской лесостепи Курское Посеймье — единственное место прямого, практически без волоков, по озёрам и притокам соединения трёх речных систем — Днепровской, Волжской и Донской); ввиду опасности со стороны внешних врагов и внутренних усобиц (Курск изначально — форпост северянского объединения славян, а затем Руси против хищных завоевателей — хазар, печенегов, половцев, татар, а затем ещё и литовцев, поляков, украинцев; объект длительной междоусобной борьбы своих же удельных князей).

Другая, что называется внутренняя, причина кладообразования в те далёкие времена — страховка от пожаров, частых и разрушительных при деревянной на 90% застройке Руси, особенно Южной, так бедной камнем и

⁸ От слов «класть», «положить» — распространённое наименование клада в средневековой Руси; сменившее его примерно с XVII века слово «клад» однокоренное.

⁹ Новомбергский Н.Я. Клады и кладоискательство в Московской Руси в первой половине XVII столетия // Журнал министерства народного просвещения. Пг. Ч. ХУШ. 1917. № 2. С. 157–158.

¹⁰ См.: Клады Кудеяра и разбойников; клад пана Койки; Клад Разина за колокол; Пугачёвское золото на дне озера Инышко; Ворон указал клад; т.п. // Народная проза. М., 1992 (Библиотека русского фольклора. Т. XII).

водой на мало-мальском отшибе от основных речных артерий. Наконец, первоначальные владельцы кладов, не сумевшие вернуться за ними, стремились с их помощью уйти от налогового произвола властей, приберечь наследство, военную или разбойничью добычу. На постоянно «пульсирующей» здесь границе Русского государства, то двигавшейся на юг, в Степь при военной удаче, то отступавшей под спасительную сень северных лесов, всех названных обстоятельств кладообразования хватало с избытком.

Так что фольклорно-мифологические сюжеты удачной находки сокровищ имели вполне реальную подоплёку, пусть не столь баснословную, как в сказках. «Во время смут, да и в мирное время предкам нашим негде было зарывать свои капиталы, как в матери-сырой земле. Она заменяла им сохранные банки»¹¹. «Земляная касса» принимала на бессрочное хранение «вклады» местных жителей с каменного века и до недавних революционных да военных времён. Значительное число найденных кладов свидетельствует о повышенной опасности проживания на данной территории — ведь их владельцы не смогли за ними вернуться или даже завещать кому-то.

Кладоискательская деятельность рано привлекла к себе внимание средневекового государства. Его верхи, во многом разделяя викингско-дружинный менталитет, сами не чурались поисков «поклажего». Так, согласно Печерскому Патерику, Мстислав Святополкович, князь города Владимира Волынского, прознав от одного из своих бояр, будто печерский инок Фёдор выкопал в «Варяжской пещере» «варяжскую поклажу» («злата много и сребра, и сосуди многоценнии»), «повелел мучить его крепко» — морить голодом и жаждой, вешать в дыму, жечь огнём и, наконец, замучил и этого инока, и его собрата по монастырю Василия до смерти, так и не допытавшись, куда перепрятано найденное ими сокровище¹².

В свете того, что мы знаем из восточных и византийских источников, русских летописей и скандинавских саг о варяго-русах, этот сюжет выглядит вполне реалистично. Примерно такой по размеру («возы и ящики» у этих бедолаг печерцев) могла быть добыча Харальда Сигурдарсона, будущего конунга Сурового Правителя Норвегии. Эту добычу он хранил у своего будущего тестя Ярослава Мудрого, пока служил византийским наёмником («... Там было столько добра, сколько никто в Северных Странах не видал в собственности одного человека», гласит сага).

Кладовые мотивы звучат ещё в гипотетически реконструируемом «Житии Антония», «Чтении о Борисе и Глебе»¹³, «Житии Авраамия Ростовского» и некоторых других памятниках древнерусской литературы. Позднее Иван Грозный во время разгрома Новгорода перерыл собор Святой

¹¹ Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в приложении к русской истории. СПб., 1846. С. СХІІІ.

¹² Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 65–66.

¹³ См.: Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы по ним. Пг., 1916. С. 16 («Аще бо или сребро или злато скровено будетъ подъ землею, то мнози видять огонь горящъ на томъ месте...»).

Софии в поисках клада. А царица Екатерина Алексеевна, сестра Петра Великого, с той же целью приказала разрыть древнюю могилу у церкви Вознесения в селе Коломенском под Москвой ¹⁴ (где располагается, между прочим, известное Дьяково городище, давшее имя соответствующей археологической культуре финно-угров раннего железного века).

«Сыски о кладах» с начала XVII века входят в круг обычных обязанностей воевод разных мест. Московское правительство начинает снаряжать целые комиссии при получении известий про обнаружение спрятанных ценностей кем-либо из его подданных. Такого рода дела заводились обычно в Разрядном приказе, ведавшем вооружёнными силами и вообще служилыми людьми страны, а также южными и восточными пограничными городами. Именно они осуществляли сыск «казны для великого государя» — допросы находчиков, перекупщиков, укрывателей ценностей и свидетелей их находки; обыски их дворов; вплоть до новых раскопок на указанных теми местах. Так что в каком-то расширительном смысле тогдашний Разряд играл роль будущего Института археологии. А поскольку Разряд упоминается в документах с 1535 года, то этот институт может отмечать в наши дни не 100-летие, а сразу 485-летие...

Одно из самых ранних разрядных делопроизводств о кладах — за 1626 год — относится к Путивльскому уезду, который подчинялся тогда Курску. Резюме дела гласит: «По отписке из Путивля селитренного мастера Романа Гаврилова в находном золоте и серебре, что на селитренных варницах прикаские ево и работники нашли в кургане золота два прута [очевидно, шейные гривны — С.Щ.], да 26 плащей [по всей видимости, пластины от кованого пояса или панцыря; вероятно, скифского, сарматского, гуннского вождя или хана позднейших кочевников — С.Щ.], да 9 перстней золотых и пуговицы, и иные мелкие статьи [т.е. предметы; должно быть, бляшки, нашиваемые в древности на костюм — С.Щ.], золотые и серебряные; и то золото и серебро привезено к Москве в Разряд, и рассмотрено и ценено, и по челобитию и по выписке то находное золото и серебро отдано ему, Роману, на церковное строение» ¹⁵.

Приведённое свидетельство обнаруживает сразу несколько любопытных штрихов в связи с тем, как относились к древностям триста лет назад. Налицо ещё одна причина массового уничтожения курганов — нужды селитренного, порохового производства, явно немалые в те боевые времена. Подобного рода «раскопки» старинных земляных насыпей с узко производственными целями публикатор цитированного архивного дела сотрудник Московского архива министерства юстиции (в дальнейшем — РГАДА) Н.И. Оглоблин метко назвал антиархеологическими. Хозяин селитренной варницы, чьи рабочие случайно наткнулись на богатейшее

¹⁴ См.: *Витевский В.Н.* Клады и кладоискание на Руси // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XI. Вып. X. Казань, 1893. С. 411–425.

¹⁵ Цит. по: *Оглоблин Н.Н.* «Сыскные дела» о кладах в XVII веке // Чтения в Историческом Обществе Нестора-летописца. Кн. VII. Киев, 1893. С. 118.

погребение (скифо-сарматского, по всей видимости, типа или же позднекочевническое; а то и несколько погребений под одной насыпью), взял из снесённого кургана вещи из драгоценных металлов. После расследования, произведённого курским воеводой на месте находки и её экспертизы в Москве, находчик получил вещи обратно — ради финансирования строительства новой церкви. По предположению того же Н.Н. Оглоблина, Гаврилов, как благочестивый русский человек, «счёл своим невольным грехом вскрытие могилы неведомых ему покойников и поспешил "замолить" этот грех пожертвованием всего найденного клада "на церковное строение"»¹⁶. К тому же, добавлю, другого благовидного предложения вернуть ценности из столицы в Курск у торгового человека просто не было. А уж как он ими на самом деле распорядился, история умалчивает.

Другое местное дело схожего содержания датировано июнем 1638 года. Священник курской соборной церкви донёс тогда воеводе на нескольких своих прихожан, нашедших и присвоивших «татарские деньги» (так называли в те времена не одни только ордынские монеты, но и все остальные «нерусского дела, неведомо какие»). Воевода немедленно допросил подозреваемых. Счастливыми (ненадолго) оказались «бобыльский сын Михейка и с курчанином же с нищим слепым старцем Акимкою Чальцовым да с пасынком его с Артюшкою». Они действительно неожиданно наткнулись («ходили в лес по веники ... за курским посадом вверх по Куру к пушкарским гумнам») «в горе на горшочек маленький глиняный татарских денег, да в том же горшочке пять клубочков волочёного серебра»¹⁷. По требованию воеводы всё найденное серебро — и монеты, и проволоку (скорее всего, заготовка для ручной чеканки восточных монет; нельзя исключить, что «клубочками» показались тогда деформированные браслеты или же иные украшения из серебра) — общим весом до двух фунтов невольные кладоискатели тут же сдали. Эти ценности вместе с протоколом допроса («распросными речами») были отправлены в Москву, опять же в Разрядный приказ (как своеобразное министерство внутренних дел своего времени). Можно считать, что это дело кончилось благополучно для обеих сторон — и незадачливых находчиков клада, и властей.

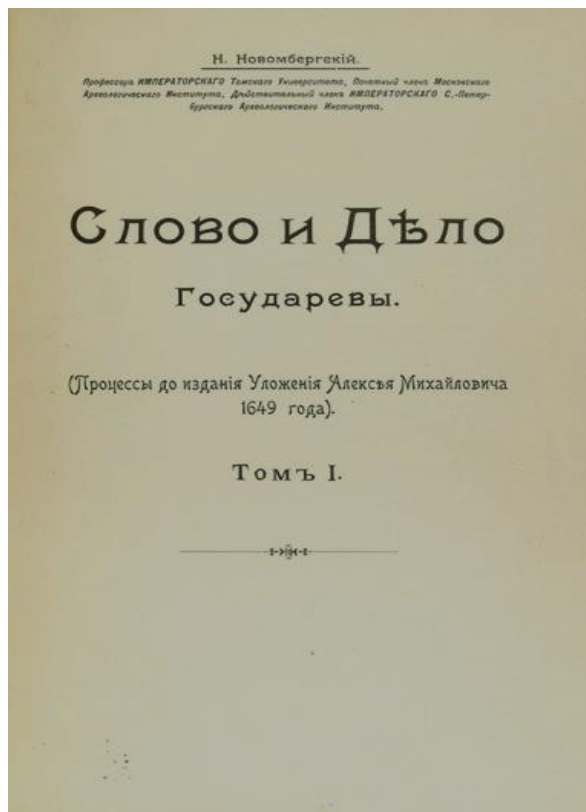
Другие куряне на случай не надеялись и топографию кладов пытались определить сами. Согласно одному из доносов, поступивших в курскую съезжую избу — административный центр города в 1623 году, «сын боярский Мотюха Ярыгин с братьями тайно вынул поклажее в Курском уезде в подгородном стану за рекою Курицею...» — «котёл винный да три трубы с деньгами»¹⁸. Воевода «того же часу» послал стражу за Ярыгиным и его братьями, а своего подчинённого — казачьего голову отправил осмотреть указанное доносчиком место. На нём оказался курган, свежеразрытый грабителями до основания. Голова определил: поиск клада производился

¹⁶ Там же. С. 122.

¹⁷ Цит. по: *Новомбергский Н.Я.* Клады и кладоискательство... С. 164–165.

¹⁸ Там же. С. 168.

целенаправленно, «по признакам» — на окружающих курган дубах имелись старые и свежие затёсы-метки. Воевода рассадил обвиняемых по тюремным камерам «порознь до государева указа», отправив донесение в Разряд. Государь — юный Михаил Фёдорович Романов из Москвы оперативно указал «про то расспросить подлинно, и всякие сыски сыскать накрепко, и пыткой постращать; и будет доведётся кого пытать, и попытать»¹⁹.

Штутульный лист первого издания труда Н.Я. Новомбергскаго.

Чем конкретно завершилось это дело, по сохранившимся документам неизвестно. В аналогичных случаях воеводы других городов, как явствует из архивных материалов того времени, поднимали кладоискателей на дыбу, били кнутом и жгли огнём, добиваясь выдачи найденных ценностей. Пытка при расследовании дел об укрывательстве краденного, найденных кладов и иным поводам санкционировалась тогдашним законодательством — «Уставной книгой» Разбойного приказа 1616–1617 годов и «Соборным уложением» 1649 года: «А на которых людей учнут языки говорить с пыток в поклажее разбойные и татийные [воровские — С.Щ.] рухляди, ... тех оговорных людей по язычной молвке сыскивать ... А будут они в тех поклажях или в продажной разбойной рухляди запрутся, и их в том по тому же пытать и с пытки указ учинить, до чего доведётся»²⁰. Отсюда явно,

¹⁹ Там же. С. 169.

²⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. III. Акты Земских соборов. М., 1985. С. 240–241.

почему упомянутые выше «курчане», случайно нашедшие клад «татарских денег», моментально отдали воеводе утаённое ими и поделенное было серебро из клада. Они прекрасно знали, что им грозит при заперительстве.

Однако гарантировать новорождённую монополию государства на подземные ценности в XVII веке удавалось не всегда. И не только по причине засекречивания большинства таких поисков их инициаторами. Порой добыча сокровищ велась в открытую: праву на них царёвых людей противопоставлялось «право» вооружённой силы частных лиц, в свою очередь достаточно распространённое в те «бунташные» времена, особенно здесь, на беспокойном пограничье.

Впечатляющий эпизод чего документально зафиксирован для соседнего с Курском Воронежского края. 24 мая 1664 года в Землянском уезде, верстах в 40 от уездного города (город-крепость Землянск основан в 1661 году), в степи за рекой Ведугой местные черкасы (то есть украинские казаки на российской службе) заметили несколько десятков человек, усердно лопативших землю на логу между холмами. По просьбе обеспокоенных землянских черкас их воевода Гаврила Петрович Островский отрядил для дознания подьячего приказной избы Сеньку Окулова. Приехав на место происшествия с небольшим эскортом землянцев, тот обнаружил, что землю копают дети боярские (то есть средней руки землевладельцы, «служилые люди по отечеству») соседнего Чернавского уезда. Их экспедицию возглавлял сельский поп Киприан, оказавшийся подьячему ... родным дядей. Тем не менее чернавцы дали следователям от ворот поворот, «примериваясь в подьячего из ружья» и не подпуская его близко.

Тогда землянцы послали за самим воеводой. Последний сразу догадался, что чернавцы ищут «поклажу». Желая «порадеть великому государю» и опасаясь, чтобы клад «украдом не разнесли», воевода собрал себе конвой побольше из землянских «черкас и русских людей», не забыв прихватить и соборного попа Лаврентия (Присутствие священников с обеих заспоривших о кладе сторон лишней раз подтверждает выдающуюся роль нечистой силы и Божьего промысла при образовании и добыче «поклажего», по понятиям наших благочестивых предков). Но чернавцы и самого воеводу встретили угрозами, снова «примериваясь из ружья» по противникам. Посредником выступил поп Киприан. «Почему и для чего вы в Землянском уезде копаете землю украдом?»²¹ — спросил его воевода. «Потому мы копаем, — смело ответил поп-кладоискатель, — что земля в логу промеж гор насыпная, и дёрном выкладена недаром: чаем поклажи большой. А в прошлых в давних годах был некто вор и разбойник Кудояр с товарищи ... И, воровски он казну собрав, стоял городком в степи. И в том городке пушечная и всякая казна несметная. А тот лог с похоронкою, который начали копать мы, чернавцы, засыпан [Кудеяром] отъезжаючи от городка. А городка

²¹ Здесь и далее по этому эпизоду цит. по кн.: *Введенский С.Н.* Два дела о кладах в Воронежском крае XVII века // Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 год. Воронеж, 1905. С. 3–4.

того мы не ведаем...» В заключение своего ответа Киприан предложил воеводе «не ссылатъ чернавцев с места», позволить им копать вместе с землянцами, дабы «что Бог даст, с ними разделить по паям». Воевода (всё время переговоров, напомним, взятый на мушку собеседниками) согласился на такой компромисс, выговорив себе недельный срок для консультации с Москвой. Но чернавцы так «не похотели» и сами покинули место раскопок. Воевода Островский тут же приставил своих черкас копать заветный лог дальше.

*Памятник на месте засечной черты Московского государства —
Карпова сторожевья на белгородском участке засеки XVI–XVII веков.
Посёлок Шомаровка Белгородской области.
«Защитник рубежей». 2015 год. Скульптор Анатолий Шишков.*

На следующий день чернавцы вернулись и согласились копать с землянцами, обещавши «их не избидеть». Поп Киприан на сей раз сам не явился, а прислал на имя племянника — подьячего письмо с благословением и требованием послать за ним, как только «та казна объявится». Совместный отряд рыл лог в трёх местах ещё два дня и ничего не нашёл. Кладоискатели на поверку оказались «людишки скудные и бес хлебные, что было у них покроем хлеба с собой, съели, и пошли для хлебные работы по жилым деревням кормиться».

На полыхнувшие по округе слухи о поисках клада на Ведуге откликнулись новые охотники попытать счастья и «утайкой» продолжали здесь копать. А в самом Землянске объявился воронежец, сын боярский Иван Астремский и передал воеводе «подлинную грамотку с росписью и с

признаками тому воровскому Кудояровскому городку и иным местам, где какая казна положена».

Воевода принял соломоново решение: послал к московскому двору одним пакетом и новоявленную «роспись», и киприаново письмо, и собственную «отписку» о ходе событий и месте происшествия. Копии этих документов сохранились в архиве Белгородского стола Разряда, решившего их «выписать к великому государю в докладе». О завершении всего этого дела сведений не сохранилось. Островский, впрочем, заключал свою докладную так: «И впредь на том логу хотят копать утайкою те же чернавцы дети боярские» (Очевидно, когда заработают хлеба на новую экспедицию).

Публикатор цитированного документа С.Н. Введенский²² резонно отмечает проблески, отдалённые намеки «археологического» подхода к делу всех участников данной истории. Действительно, его первопроходцы «киприановцы» установили в ветлужском логу наличие почвы, погребённой некой искусственной, сознательно задернованной кем-то насыпью. В «грамотке» же Астремского приводятся соответствующие откровения мифического Кудояра, вроде следующих: его разбойники-де «двинулись в сутки, ров перекопали и вал завалили и от сиськи [видимо, центральной возвышенности вала — С.Щ.] вал перекопали и надвое городище перекопали», дабы изменить рельеф местности и понадёжнее скрыть на ней свою «поклажу». На обороте же «Кудояровой росписи» Астремский сделал своей рукой «чертёжец городским признакам». Однако «привязать» искомое городище именно к побережью Ведуги на спросе у воеводы новоявленный топограф не сумел.

Сам воевода приводит для Разряда образцовое даже по гораздо более поздним археологическим меркам описание развернувшихся у него под боком грабительских раскопок. «То место, — сообщал Великому государю Островский, — где копано в степи, промеж двух гор насыпано землёю, а длина той насыпи 85 сажен, поперёк 12, а инде и 10 сажен; а сыпана в тот лог земля слоями глина красная и серая и чернозём под глиною, а сверх той насыпи пень дубовый большой горелый, а пониже неё родник ... В правую сторону копали землянские черкасы длины 5 сажен, а поперек 2 сажени, глубины 4 сажени, а пониже ... с нижнего конца той насыпи от ржавца копали сперва Черкасского уезда дети боярские длины сажен с 20, а поперёк ½ сажени, а сперва глубины с человека вышиною, а повыше копали колодезем сажен с 5. А земля вся битая, насыпная. А близко того насыпного

²² *Сергей Николаевич Введенский* (1867–1940) — уроженец Липецкого уезда Тамбовской губернии. Кандидат богословия Московской духовной академии. Руководил гимназиями и другими школами в родных краях. Изучал историю Тамбовской, Воронежской и сопредельных земель, включая их археологию и архивные документы. Создавал советские краеведные организации в ЦЧО. Репрессирован по «Делу краеведов ЦЧО». О нём у меня подробнее пойдёт речь ниже, в главе о советском краеведении.

логу Чернавский уезд, Тербунское село и Яковлевское с деревнями в 10 верстах, а Воронеж в 30 верстах...»²³.

Историк науки и культуры вправе усмотреть в этом документе:

- обобщённую стратиграфию вскрытых копателями площадей археологического памятника;
- грубый план заложенного ими раскопа (две траншеи и шурф «колодцем»);
- приблизительную топографию всего памятника, с «привязкой» к ближайшим постоянным и общеизвестным ориентирам.

Для середины XVII века столь разносторонняя и зоркая информация о памятнике далёкой старины просто удивительна; она под стать тем полевым журналам, что остались от многих археологов XIX и даже первой половины XX столетий. Сходство, разумеется, сугубо формальное, ибо цели земляных работ у «детей боярских» и самого воеводы оставались прямо антиархеологическими — они бездумно разрушали памятник археологии в погоне за мифическим сокровищем. И разрушили, судя по всему, остатки оборонительных сооружений какого-то древнего городища. В состав этих сооружений входил, похоже, деревянный (дубовый) частокол на валах (значительные фрагменты которого сохраняются до наших дней тысячу и более лет — как, например, при раскопках Ратского городища под Курском, в которых принимал участие в качестве землекопа автор этих строк и те дубовые плахи лично выкапывал и паковал для лабораторных исследований).

Руководствуясь моей публикацией соответствующего документа²⁴ и указанными в нём ориентирами, воронежский археолог Виктор Николаевич Ковалевский (ныне директор музея палеолитических Костёнок) в 1998 году пытался отыскать соответствующее городище на местности, но, к сожалению, пока безуспешно. Однако координаты, содержащиеся в воеводской грамоте, оставляют надежду на успех дальнейших поисков.

Особой популярностью на юго-востоке Руси начала Нового времени, в том числе на Курщине, пользовалась не раз уже упоминавшаяся выше

²³ *Введенский С.Н.* Два дела о кладах в Воронежском крае XVII века // Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 год. Воронеж, 1905. С. 6–7.

²⁴ См.: *Щавелёв С.П.* Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства) // *Российская археология.* 1998. № 2. С. 188–194.

Сравните с моими выводами: *Жук А.В.* Отсутствие археологического интереса в средневековой культуре (на примере Западной Сибири) // *История археологических исследований Сибири.* Омск, 1990.

В этой работе, вопреки её странному заглавию (откуда же появиться научному интересу в донаучный период?), речь как раз идёт о начале знакомства русских с сибирскими объектами древности (руинами, писаницами, городищами, курганами) в XVII веке. А это знакомство, как показывает автор, способствовало именно постепенному пробуждению сознательного интереса к ним. Вообще-то автор путает науку и практику в их отношении к объекту археологии. О столь же и гораздо более ранних предпосылках исторической науки в Западной Европе см.: *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

легенда о «кудеяровой поклаже». Российский государственный архив древних актов (РГАДА), куда поступили документальные материалы московских приказов, хранит 7 розыскных дел *о поисках этого неуловимого клада* в здешних уездах — Курском, Карачевском, Трубчевском и других. Везде по рукам ходила целая «роспись кудеяровой поклажи», на которую периодически льстились доверчивые люди. В их действиях отчётливо видна вера в сверхъестественные существа, охраняющие клады, но при особых обстоятельствах выдающие их людям. По неписанному народному праву, спрятанные в земле сокровища становятся собственностью тех, кто с помощью колдовства («чурования»), удачи и смелости их найдёт. Ведь «зарывались клады с зарокami, например, на три головы молодецкие, на сто голов воробьиных и т.п. Три головы должны погибнуть при попытке овладеть кладом, — следующему по счёту, четвёртому, он обязательно достанется. Надо зарок знать и притом помнить, что клад стережёт злая сила — нечисть. Когда клад "присумниться", то есть выйдет наружу и покажется блуждающим огоньком, и выговоришь зарок, черти начнут стращать, отбирать клад. Тут слово "чур" и очерченный круг одни и выручают, спасая от мучений»²⁵.

Так что роспись драгоценной «поклажи» на Руси, — не просто карта, но и целая инструкция искателю зарытого счастья по части необходимых ему магических действий. И тем самым документальное свидетельство архаического восприятия отечественных древностей только в качестве сокровищ, правда, с исторической родословной.

По колдовским приёмам, что применялись искателями «поклажего» в XVII–XIX веках, косвенно просматриваются *идейно-мифологические мотивы, которыми руководствовались кладообразователи Древности и Средневековья.* Кроме сугубо рациональных, собственно практических целей — до времени надёжно укрыть, сберечь своё имущество, выделителем клада мог двигать социально-психологический комплекс с условным названием «поступок Поликрата». Как известно по Геродоту, этот древнегреческий торговец, ставший правителем, тираном, решил откупиться от слишком уж удачливой поначалу его правления судьбы, выбросив по совету жрецов в море свою самую любимую вещь — драгоценный перстень. Похожим образом, согласно североевропейским сагам, викинги в качестве умиловительной жертвы богам, причём даже вне реальной опасности, так сказать авансом, могли предать морской пучине или земле часть своей военной добычи.

Так что многие из старинных кладов полифункциональны — помимо прямой тезаврации богатства, перед нами своего рода «доупокойная жертва». С её помощью представитель архаичного менталитета вступал в диалог с мифологическими силами потустороннего мира своего времени. По обоснованному фактами многочисленных кладов викингов IX–XI веков заключению А.Я. Гуревича, «их прятали для того же, для чего Сигурд утопил

²⁵ Крылатые слова по толкованию С. Максимова. М., 1955. С. 223.

своё золото в Рейне. Нужно было сберечь материализованную сторону своей удачи от чьих бы то ни было посягательств на неё, и для этого богатства запрятавались, но не на время, в ожидании того момента, когда обладатель сможет выкопать их, вернуть себе и беспрепятственно ими воспользоваться, как материальными богатствами в этом мире. Вовсе нет. Это было продолжение его собственной личности...»²⁶. Христианство и вообще развитие европейской культуры сублимировали этот диалог язычника-кладообразователя, жертвователя сокровищ с судьбой, перевели его в иные по форме, но схожие по цели и сути действия полухристианина-полуязычника кладоискателя — вроде церковных треб и бытовых суеверий в связи с чьим-то «спрятанным счастьем».

Отсюда поиски клада носителем архаического сознания — не просто авантюра криминального толка, но и один из логичных в его системе идей-мифологем путей самореализации, достижения счастья. Те самые силы народной демонологии²⁷, что помогали некогда кладообразователю, теперь ждут случая «пообщаться» с кандидатом в его находчики. Труд и риск, затраченные на приобретение спрятанных сокровищ честным трудом или же разбоем, выглядели эквивалентными «фарту» их повторной добычи в виде клада. Спрятанное в виде клада счастье сулило вернуться к обездоленному бедолаге, если тому удавалось отличиться на этой стезе — обойти поту- и посясторонних сторожей его. Клад, таким образом, это вариант путешествия за счастьем, за долей. Один из шансов на жизненную справедливость.

Курские примеры из документов РГАДА ярко иллюстрируют сказанное о кладовых мотивах народной мифологии и религии.

Типичное в рассматриваемом отношении дело московского Разряда датируется 1693 годом. Ниточка тогда потянулась в Рыльск, где «вор Илюшка Фатеев» объявил за собой «государево дело» (оно, как известно, давало правонарушителю отсрочку с разбирательством его конкретной вины и даже наказания за неё; а воровством по тем временам именовалась не одна только кража, но и преступление вообще, особенно направленные против государства). Допрошенный в застенке «вор» указал на «рыленина Мишку Умрихина» как обладателя чудодейственной «травы, чтобы замки отмыкать» («В травах, по народному поверью, скрывается могучая сила, ведомая только

²⁶ Гуревич А.Я. Нескромное обаяние власти // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. М., 1995. С. 73.

См. также: Соколова В.К. Предания о кладах и их связь с поверьями // Фольклор и этнография. Л., 1970.

²⁷ Сводное описание южнорусского пандемониума и магических практик Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской и сопредельных областей см. в кн.: Дынин В.И. Когда расцветает папоротник... (Народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX–XX веков). Воронеж, 1999.

Первый опыт сходного изложения в общерусском масштабе: Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995. А также: Русская демонология. Сказания о земле русской / Сост. Н. Будур. М., 2006; Никитина А.В. Русская демонология. СПб., 2013; Калашиников В.И. Русская демонология. М., 2017.

чародеям; ... некоторые зелья помогают им при розыске кладов, другие наделяют их способностью предвидения, третьи необходимы для свершения волшебных чар»²⁸).

За волшебной травой к Умрихину якобы приезжали «курский ямщик Аника Зуев с крестьянином Сенькою Черкашениным». Без волшебства им-де не давался в руки обнаруженный «в Курском уезде близко Ямской слободы погреб с Кудояровским поклажем, в том же погребе 12 бочек денег серебряных копеек, да 4 котла жемчугу насыпаны, да лежит 1000 бердышей, да 1000 мушкетов, и книги, и евангелие, и всякая церковная утварь, и платье да сабля булатная»²⁹.

Предполагаемый обладатель «разрыв-травы» был, как водится, без промедления разыскан и во всём подтвердил извет. Сознались и арестованные в Курске его посетители. Тогда воевода развернул следствие полным ходом, к нему привлекли ещё целый ряд лиц. Через несколько месяцев интенсивных допросов и очных ставок выяснилось, что «полная роспись клада находится у крестьянина Артюшки Колупаева». Тот сначала заперся, но после очередной очной ставки, завершившейся пыткой обоих допрашиваемых сторон, признался в хранении кладовой «росписи, полученной из Крыма». Курский воевода, завладев росписью, далее самостоятельно действовать не смел. Запечатав заветную бумагу и «оковав в кандалы» Колупаева, вместе с показавшим на него Сенькой Евсюковым, отправил их всех в Разряд. Там следы горе кладоискателей затерялись — в цитированном документе Приказного стола они не отражены.

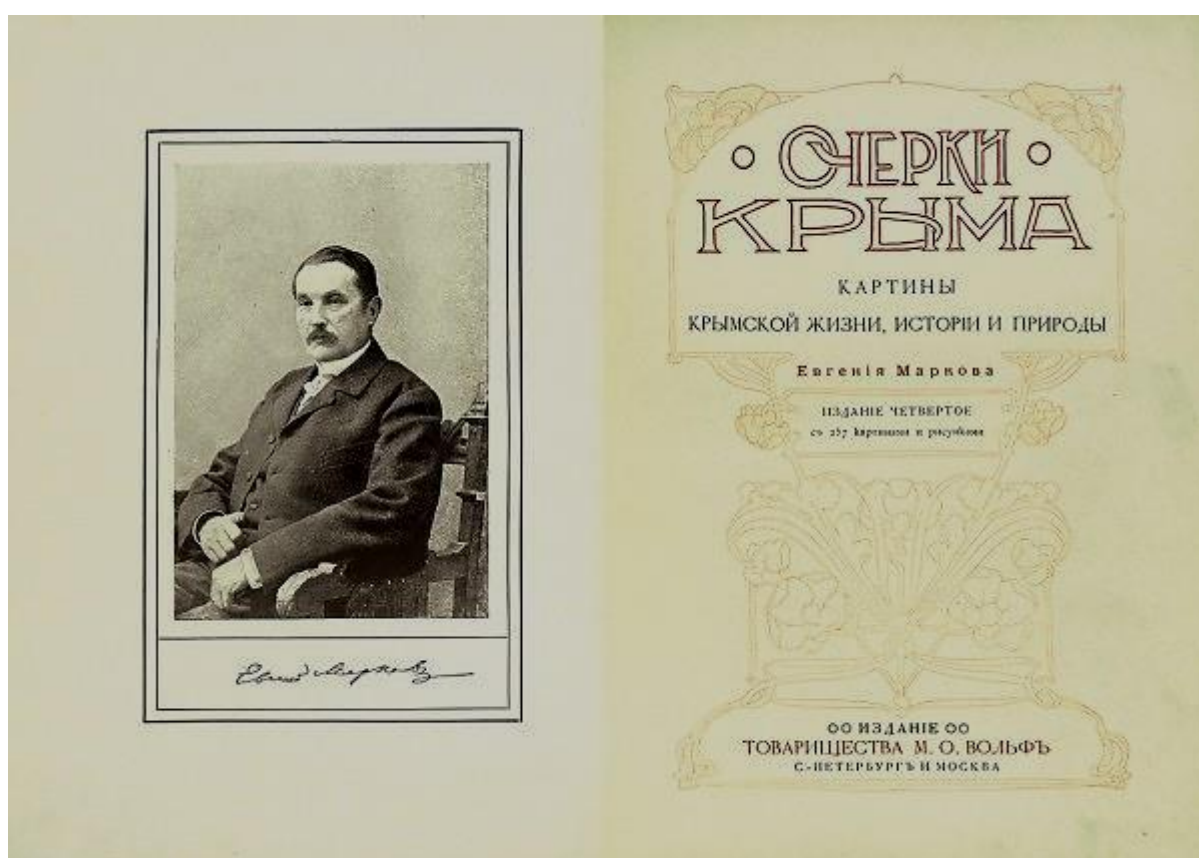
²⁸ *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. Избранные статьи. М., 1881. С. 378.

²⁹ Цит. по: *Новомбергский Н.Я.* Клады и кладоискательство... С. 173.

Процитированный документ неожиданно возвращает нас к одному из сюжетов предыдущей главы — о вторичной фольклоризации некоторых исторических сюжетов. Моя публикация о курских кладоискателях XVII века обернулась следующей информацией в центральной периодической печати: «По сообщениям РИА «Новости», курские краеведы [? — С.Щ.] по-новому прочитали запись атамана Кудеяра (по преданию, сводного брата Ивана Грозного), попавшую к курскому воеводе). ... Курские специалисты считают, что после того, как вековые поиски библиотеки Ивана Грозного в Александровской слободе и Московском Кремле не дали результата, следует обратить пристальное внимание на это послание разбойника Кудеяра. Возможно, речь в нём идёт именно о Либерее царя, обоз с которой мог быть захвачен Кудеяром, совершавшем свои разбои на Северной земле, куда входил и Курский край» (Известия. 2002. 9 февраля. С. 3). Хоть бы сослались на мои публикации «грамоты Кудеяра» (с упоминанием неких книг в составе «клада»...)!

Текст, вполне подходящий для первоапрельского розыгрыша доверчивых читателей, тем не менее подан в ряду вполне серьёзных новостей из областей ЦЧО в одной из самых авторитетных газет России и её аналоге в Интернете. Как видно, наши соображения о фантазийной стороне нынешнего «краеведения», граничащей с вульгарным безумием, находят, к сожалению, всё новые подтверждения. Приведённую «краеведческую новость», в шутку ли, всерьёз, по-моему, состряпали сотрудники НИИ археологии Курского государственного университета или же Курского музея археологии. В этих учреждениях состоят сотрудники, выступавшие по «богатой» теме «курские разбойники» да «курские клады». Назову их тоже пиратами, хотя и литературными.

«Кладовые рукописи» ходили по рукам курян и впоследствии, на протяжении XVIII и XIX веков. Любопытную статью об этих своеобразных памятниках народной письменности, «отрывках старой географии и старой внутренней истории родной нам земли» опубликовал в 1902 году курский, а затем и крымский педагог, бытописатель и историк любитель Евгений Львович Марков (1835–1903). Будучи помещиком Щигровского уезда, он собрал целую коллекцию старинных бумаг и рассказов старших членов семьи на кладоискательские темы. «Старики-кладоискатели, — писал сам уже тогда престарелый Евгений Львович, — имевшие у себя древние кладовые записи и сохранившие их в тайне как святыню, уже при моей жизни приходили из разных далёких мест в наши курские места и копали клады»³⁰. В том числе внутри курганов, поросших лесом, под названием «Куныи верхи», недалеко от марковского поместья.

Евгений Львович Марков (1835–1903).

Репродукция с сайта Дома антикварной книги «В Никутском» (Москва).

Публикуемые Марковым «грамоты» приписывались их настоящими авторами и последующими обладателями «лихим людям», разбойничавшим в начальные годы XVII века на Муравской сакме, Сагайдачном шляхе и прочих торных путях Северной Украины и южного порубежья Московского государства. «Записи» эти носили характер духовных завещаний атаманов

³⁰ *Марков Е.Л.* Клады старой Северщины (Местные заметки на древнюю рукопись о кладах) // Памятная книжка Воронежской губернии. 1902. С. 1 (3-й паг.).

или рядовых разбойников, на смертном одре или во вражеском плену озабоченных судьбой спрятанных где-то на Северщине сокровищ. Среди примет для поиска таких кладов сплошь и рядом фигурируют «курганцы», другого рода могилы и городища в междуречьях Ворсклы, Северского Донца, Псла и Сейма. К этого рода земляным насыпям простой люд относился с определённым пиететом, что и учитывалось реальными или литературными героями «кладовых рукописей». Содержание, а особенно стиль, просторечная лексика документов представляют интерес скорее для фольклористики, языкознания. Сегодня предания о кладах Кудеяра и прочих разбойников публикуются и комментируются как один из жанров фольклорной прозы³¹.

Историкам и археологам южнорусского края примечательны скорее попутные воспоминания издателя «заветных бумаг» о реальных археологических приметах изложенных сюжетов. Вроде следующего: «В развалинах "Ратского" или так называемого "Святого городища" на той же р. Рати, где находится и моё имение, — писал этот просвещённый щигровский помещик, — мельник, снимавший мельницу у госпожи Шеховцовой, нашёл, по рассказам местных жителей, в обвале берега большой "кубган" [котёл, казан — С.Щ.], полный золотой и серебряной посуды, которую он распродал; я сам не раз видел на том же Ратском городище вымываемые весеннею водою мелкие серебряные гривенки»³². Судя по моим и другим «подъёмщикам» сборам на Ратском городище при его раскопках экспедицией В.В. Енукова в 1990–1992 годах, под «гривенками» надо понимать (в исключительных случаях) арабские дирхемы³³, а гораздо чаще — джучидские монеты времён расположения здесь известной по летописи Ахматовой слободы и последующего татарского города — столицы так называемой «Курской тьмы»³⁴.

³¹ См., кроме уже отмеченных выше изданий, также: *Аристов Н.Я.* Предания о кладах // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Т. I. СПб., 1867; *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1995 (Гл. XV. «Клады»); *Криничная Н.А.* Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» // Советская этнография. 1977. № 4.

³² *Марков Е.Л.* Клады старой Северщины... С. 2.

³³ См. подробнее: *Щавелёв С.П.* Клады куфических монет в Курском Посеймье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1999. С. 155–159; *Его же.* Клады арабского серебра в Курском Посеймье // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 года. СПб., 2002. С. 144–149.

³⁴ См. подробнее: *Щавелёв С.П.* Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII–XIV веках // Курские тетради. Тетрадь 3. Курск, 2000; *Его же.* Курская тьма в составе Золотой Орды // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX веках Материалы международной конференции (май 2002 года). Тамбов, 2002. С. 232–236; *Его же.* Курская тьма — пограничье Руси и Золотой Орды (по документальным и археологическим материалам) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Материалы II Международной научной

К счастью для будущей научной археологии, в городищах и курганах Курского края, да и всей Центральной России, дорогие вещи встречаются довольно редко. Гораздо чаще и реалистичнее звучат свидетельства легенд кудеяровского цикла о том, что на месте разбойничьего «городка» «находились предметы земледельческие, панцири, прясла, стрелы, копья, следы каменных построек...»³⁵ и прочий подъёмный материал эпохи Средневековья, как видно, в принципе правильно понимаемый народной молвой (в силу типологического сходства крестьянского образа жизни на Среднерусской равнине на протяжении многих веков). Легендарность фольклора усиливается вместе с археологическим возрастом находок — вещи эпохи ранних металлов и тем более камня всё меньше соответствовали обыденным представлениям человека земледельческой цивилизации. Тогда останки мамонта или иного экзотичного зверя четвертичного периода здешней геологии принимали за «кости богатырские — одна кость до колена, нижняя, больше трёх аршин»³⁶.

А клады как таковые — зарытые, иначе спрятанные, но не взятые обладателем назад ценности — в абсолютном большинстве случаев вовсе не поддаются целенаправленным поискам в соответствии с какими-то картами или «рописями». Не только в юго-восточных пределах России, но и во всей мировой кладоискательской практике планомерная находка спрятанных кем-то давным-давно сокровищ представляла редчайшее исключение. Положение несколько изменилось с внедрением в эту сомнительную практику металлодетекторов. Но и тогда изменения коснулись почти целиком только поисков затонувших на море кораблей или разбившихся самолётов с ценными грузами. Почти все находки древних кладов в земле носят случайный, совершенно непреднамеренный характер. Даже если они от случая к случаю совершаются нынешними «чёрными археологами» с их всё более совершенной аппаратурой. Отыскать клад по «карте-инструкции» по-прежнему практически нереально.

Клады в археологическом смысле этого слова обнаруживаются главным образом при пахоте, других земляных работах или самопроизвольных обвалах берегов рек, оврагов и тому подобных мест в половодье. К тому же русские крестьяне коренных, в основном моноэтничных губерний страны в своём большинстве до поры до времени с должным почтением относились к любым могилам на своей родной земле, включая древние курганы. Сравнительно редкие случаи находок курганных предметов, к тому же в своей массе вовсе не драгоценных, как правило, не приводили к массовому разорению искусственных холмов на данной территории. Религия и бытовые суеверия удерживали большинство

конференции. Воронеж, 18–20 декабря 2015 года / Отв. ред. А.М. Скоробогатов. Воронеж, Воронежский гос. педагогический ун-т, 2016. С. 404–415.

³⁵ О Худояре // Народная проза. М., 1992. С. 88.

³⁶ Зачиняев А. Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губернии // ИОРЯС. Т. II. Кн. 1. СПб., 1906. С. 151.

простолюдинов от осквернения святых мест, каковыми оставались заброшенные кладбища. А самых отчаянных и дерзких искателей лёгкой наживы могли «вразумить» в воеводских застенках, потом полицейских участках или на мирских сходах.

По этим причинам страсти кладоискателей в районе Курска и на сопредельных ему территориях постепенно улеглись и на протяжении XIX–XX столетий повторялись всё реже. Хотя полностью так и не прекратились. Время от времени здесь происходили случайные находки золотых и серебряных предметов из древних погребений, монетных и вещевых кладов. Об их уникальной научной и художественной значимости можно судить по тому, что представляли собой самые знаменитые в Курских краях *обоянский и суджанские «клады»*, частично поступившие в московский Исторический музей, соседнюю с ним Оружейную палату, а частично разграбленные местным населением и сгинувшие уже безвозвратно. Все они датируются археологами — специалистами по эпохе Великого переселения народов концом IV – началом V века новой эры.

В 1849 году государственные крестьяне из деревни Паники Обоянского уезда, работая в поле, натолкнулись на «клад», часть которого волостному начальству удалось изъять и препроводить в Курское губернское правление. Спасённые тогда вещи переслали в Москву и поместили в кабинете изящных искусств Московского университета как «изделия древнего греческого искусства»³⁷. А именно, от той находки сохранились: 1) гладкая шейная гривна (ошибочно названная при первой публикации поясом) с оригинальным замком; 2) разбитое (потом склеенное) стеклянное блюдо (точнее, чаша типа патеры) с гравированным изображением вакханта в ритуальной пляске; 3) россыпь штампованных из золота бляшек разнообразной формы (общим числом до 80). Точное место находки и полный состав «клада» остались неизвестными. Вполне вероятно, что большую часть золотых изделий находчики похитили, переплавили и сбывли неким перекупщикам. Гривна вскоре после находки была лабораторно исследована учителем химии Московского 2-го кадетского корпуса Владимиром. Сплав оказался из меди, цинка и золота.

В конце концов, эти обоянские древности перешли в Исторический музей, где они заняли достойное место в 4 зале («памятники позднейшего металлического века. Курганный период»). Здесь вещи переатрибутировали: «неизящное исполнение рисунка на блюде, хотя оригиналом ему служило, вероятно, хорошее произведение искусства, говорит не за древнегреческое происхождение, но за римское и довольно позднее, во всяком случае сделанное после Рождества Христова»³⁸, якобы не позднее III века новой

³⁷ Временник Императорского Общества истории и древностей российских. Кн. 16. М., 1853. С. 68. Рис. 1–2 (раздел «Смесь»).

³⁸ Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. 2-е, доп. изд. М., 1893. С. 155–156.

эры. Позднее Л.А. Мацулевич ещё раз передатировал обоянскую патеру IV веком (по технике нанесения рисунка на стекло).

Кроме этого клада, в первом варианте экспозиции Исторического музея были представлены еще несколько случайных находок из Курской губернии. Их скупил у находчиков и подарил музею известный меценат Ф.А. Терещенко. Где именно, кто и когда нашёл эти серебряные украшения (гривны, серьги, привески, перстни), осталось неизвестным³⁹ (что стало печальной для науки традицией при передаче многих кладов на государственное хранение).

Леонид Антонович Мацулевич.
1886—1959

Репродукция из кн.: Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. М., 1990.

Больше повезло учёным с находками в верховье реки Суджи. 29 октября 1927 года крестьянские дети из деревни Большой Каменец тогдашнего Большесолдатского района Львовского округа ЦЧО по пути из школы заметили яркий блеск в промоине на склоне оврага. Приблизившись, они наткнулись на грудку золотых украшений. Сокровища разошлись по рукам взрослых односельчан. Волостной исполком, прознав о находке от сельского учителя, успел отобрать с помощью милиции часть этих вещей. После консультации в Главнауке Наркомпроса РСФСР их передали в Оружейную Палату Кремля. Так были спасены: первой заблестевшая на

Отзывы об этих древностях из Обояни см.: *Веселовский Н.И.* Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического съезда. Т. I. С. 346; *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 587.

³⁹ Отчёт Императорского Исторического музея за 25 лет. М., 1908. С. 74.

солнце золотая шейная гривна с круглым медальоном, инкрустированным гранатами и зелёным стеклом; два золотых браслета с сомкнутой замковой частью в виде пары змеиных головок, инкрустированных разноцветными стёклами; золотая цепь (имитирующая на вид четверное плетение) длиной 2, 5 метра с четырёхгранными оконечниками-втулками. Рассказы местных жителей об остальных куда-то пропавших тогда вещах, выглядели сбивчиво и противоречиво.

*Часть суджанских находок из Курской губернии.
Фото из Оружейной палаты Кремля.*

В феврале 1928 года сотрудники Оружейной палаты и Исторического музея съездили в Большой Каменец и выспросили у местных жителей обстоятельства находки, получившей название Новосуджанского клада. Неожиданно выяснилось, что это не первый случай обнаружения здесь древнего золота. Лет за 10 прежде того, в 1918 или 1919 году неподалёку от села взрослые крестьяне добыли ещё больше драгоценных древностей, названных впоследствии старосуджанскими. Тогда, при впадении в Суджу одного из ручьёв, крестьянин ломал камни из обнажения известняка и складывал их на телегу. Вдруг запряженная в телегу лошадь провалилась под землю по шею. Владелец еле вытащил свою скотину на свет божий. Из образовавшейся ямы вода стала «выносить блёстки», что заметили некоторое время спустя опять-таки вездесущие ребяташки. Их родители развернули на этом месте самодеятельные раскопки. Кроме человеческих костей (включая мощный череп), самодеятельные «археологи» обрели кучу серебряных изделий и золотых украшений. «Крестьяне копали долго и неоднократно

принимались за раскопки и позже. Ими было скрыто значительное количество кубов земли, так, что даже профиль места совершенно изменился»⁴⁰.

Десять лет спустя этой первой находки, «благодаря энергии Курского уголовного розыска», как подчёркивали благодарные специалисты из Москвы, удалось вернуть в их распоряжение большой серебряный кувшин с рельефными изображениями девяти муз и растительным орнаментом; серебряный же фалар (конский нагрудник) с чеканным рельефом и позолотой; фрагменты ещё одного серебряного сосуда; бронзовых — ведра и кронштейна; несколько золотых бляшек (для нашивки на одежду).

Значительную часть вещей из обеих находок крестьяне сбывали перекупщикам; кое-что захватили с собой переселенцы из здешних мест (время было военное); что-то потерялось, а стеклянные предметы разбились. Составленный по рассказам причастных к находкам лиц список утраченного включает ещё золотую шейную гривну «толщиной в папиросу», украшенную медальоном с красным камнем (стеклом?); пару браслетов; золотой перстень; стеклянные блюдце и стакан. «Оказывается, — успел записать в своём дневнике глава той экспедиции В.А. Городцов, — после находки первых вещей крестьяне занялись поисками других вещей и, роясь в земле, нашли вновь роскошнейшие вещи: золотые браслеты с инкрустациями, мелкие украшения и один большой серебряный кувшин»⁴¹.

В июле 1928 года в суджанскую глубинку прибыла и находилась там с 5 по 13 числа этого месяца экспедиция Главнауки под руководством выдающихся археологов — профессоров Василия Алексеевича Городцова из Государственного Исторического музея и Леонида Антоновича Мацулевича из Эрмитажа. В их команду входили Мстислав Васильевич Городцов (1899–1968); Николай Николаевич Померанцев (1891–1986), хранитель Оружейной палаты, талантливый искусствовед, реставратор⁴²; её завхоз В.И. Козлов; студент археолог из Первого МГУ Б.А. Рыбаков. Они провели контрольные раскопки на местах находок и в ближней округе села, которые практически ничего не дали. Согласно заключению этих опытейших археологов, крестьяне в первый раз наткнулись, по всей видимости, на выложенный камнем могильный склеп, устроенный некогда на самом краю берега или даже прямо в русле реки, течение которой было для этой цели временно отведено. Именно так, в русле реки Бузенто, был, между прочим, похоронен знаменитый король визиготов Аларих (сообщает Иордан).

⁴⁰ *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М.–Л., 1934. С. 55.

⁴¹ *Городцов В.А.* Дневники. 1928–1944. В 2 кн. Кн. 1. 1928–1935. М., 2015. С. 75. На страницах 245–251 см. описание Городцовым этой экспедиции. Там больше о нравах суджанских крестьян, чем об археологии.

⁴² Умелый фотограф, он сделал на месте раскопок много снимков, часть которых недавно атрибутировал и опубликовал Олег Александрович Радюш (Институт археологии РАН), по чьей интернет-публикации я воспроизвожу их ниже. Благодарю Олега Александровича за консультацию в этой связи и разрешение перепечатать его архивные фотонаходки.

Похожим образом хоронили и прославленного предводителя гуннов Атиллу ⁴³. Скорее всего, и вторая находка представляла собой погребение с богатым инвентарём, а не клад как таковой. Только эта могила располагалась уже не у реки, а на холме.

Погребение Атиллы (?), найденное в 2014 году при ремонте фундамента моста через Дунай в Будапеште. Фото с сайта soft.net.

И старо-, и новосуджанские находки по своему набору и облику весьма типичны для так называемых варварских древностей рубежа IV–V веков новой эры (Довольно точную датировку дают клеймо константинопольского мастера на днище сосуда с музами, около 400 года новой эры, и некоторые другие характерные детали этого вещевого комплекса). Л.А. Мацулевич, взявший на себя труд их монографического изучения и издания, предположил принадлежность «суджанских кладов» готам. Осторожнее будет заключить, что все эти вещи, скорее всего, принадлежали одному и тому же племени эпохи Великого переселения народов, возможно, что и самим гуннам. Состав погребального инвентаря и его выдающееся богатство свидетельствует об исключительной знатности покойников. «Мы можем рассматривать первое суджанское захоронение как могилу племенного князя гото-гуннского времени, рекса одного из племён, живших в лесостепной

⁴³ О случайной находке в марте 2014 году при строительстве моста через Дунай могилы предположительно Атиллы сообщалось в Интернете («Могилы Атиллы найдены в Будапеште»). См. там интервью будапештского археолога А. Румштейна. Главной находкой в этом богатейшем погребении стал меч, изготовленный из метеоритного железа.

полосе Северного Причерноморья после распада готского племенного союза, так называемого царства Эрманариха. Не случайно, что описание подобного обряда [похорон в подводной могиле — С.Щ.] попало к Иордану и он связал его с одним только королём»⁴⁴.

Другое суджанское погребение — на возвышенности — могло принадлежать одному из достаточно знатных соплеменников верховного вождя. Наличие в обоих «кладах» импортных изделий с причерноморского юга говорит о взаимосвязях здешней лесостепи с Боспором и его романизированными соседями.

*Раскопки на месте второго старосуджанского «клада». Июль 1928 года.
На первом плане сидит крестьянин Семён Ефремов, обнаруживший золотые браслеты.
Из публикации О.А. Радюша на сайте «Курск дореволюционный».*

Помимо этих историко-археологических выкладок, профессор Мацулевич с грустью заключил, что даже в условиях социалистического строительства в Курском крае по-прежнему «местное население бредит кладами, его охватил ажиотаж, с реализацией каждой находки у крестьян

⁴⁴ Там же. С. 76.

См. также: Мацулевич Л.А. К вопросу о стадиальности в готских надстроечных явлениях (обряд погребения Алариха. Готский звериный орнамент) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.–Л., 1933. С. 51 (Известия ИИМК. Вып. 100); Зиньковская И.В. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. Воронеж, 1999.

связываются легендарные богатства... Перекупщики раскинули здесь свои сети и их ласковые речи кажутся на местах авторитетными»⁴⁵.

Однако нет худа без добра. Случайные находки древностей активизировали не только браконьеров, но и археологов. Чуть позже москвичей, 14–20 июля 1928 года бассейн Суджи обследовала экспедиция Курского музея и общества краеведения. Л.Н. Соловьёв, М.Н. Орлова и В.И. Стрельский (речь о них ещё пойдёт в разделе о советских краеведах 1920-х годов) обнаружили тогда несколько поселений и курганов эпохи бронзы, раннего железа и ни одного памятника времен Великого переселения народов, то есть I тысячелетия искомой ими новой эры⁴⁶. Их нашёл здесь гораздо позже, в 1961 году Ю.А. Липкинг, которому, по всей видимости, очень не хотелось «отдавать» обоянско-суджанские сокровища германцам-готам. На его взгляд, гораздо лучше подходили на роль владельцев серебра и золота константинопольской и боспорской выделки носители черняховской археологической культуры (в поспешном представлении Ю.А. Липкинга — по большей части славяне, к тому же оседлые жители юго-восточной лесостепи)⁴⁷.

Однако вопрос, чьими военными трофеями или барышами торговли с Византией были обоянско-суджанские «клады», довольно долго оставался открытым. Черняховские селища, выявленные Ю.А. Липкингом, а затем Э.А. Симоновичем в нескольких тысячах и даже сотнях метров от места новосуджанской находки, вряд ли просуществовали до V века новой эры. Да и лидирующая роль готов в объединении черняховцев сегодня уже не подвергается сомнению никем из специалистов по этой археологической общности.

К этому же кругу кладов относится и так называемый Волниковский «клад», а на самом деле тоже элитное погребение гуннской эпохи, разграбленное под Курском «чёрными археологами» и спасённое для науки сотрудниками ФСБ⁴⁸ (к этому сюжету я ещё вернусь в заключительной части книги).

В последние годы местность, где были обнаружены упомянутые «клады», результативно изучает экспедиция Института археологии РАН под руководством Олега Александровича Радюша. Ею выявлены и частично изучены поселения заключительного этапа черняховской культуры, с которой эти сокровища, должно быть, и были связаны. О.А. Радюшу удалось найти и доследовать место обнаружения старосуджанского клада 1918 года обнаружения. Обнаружены были остатки погребения, инструменты кладоискателей. Даже опрошена дочь одного из находчиков, правдиво пересказавшая обстоятельства драгоценной находки, память о которой

⁴⁵ Мацулевич Л.А. Суджанские находки и очередные задачи краеведения // Известия Курского губернского общества краеведения. 1928. № 4–6. С. 40.

⁴⁶ См.: Археологические разведки // Там же. 1928. № 3. С. 78.

⁴⁷ См.: Липкинг Ю.А. О чём рассказывают курганы. Воронеж, 1971. С. 58–61.

⁴⁸ См.: Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н. э. Каталог коллекции / О.А. Радюш, О.А. Щеглова, др. М., 2014.

хранилась в их семье. По мнению археолога, «все комплексы органично вписываются в серию элитных княжеских погребений начала эпохи Великого переселения народов в Европе»⁴⁹.

К более поздним временам, VI–VII векам новой эры Мацулевич отнёс настоящий (в археологическом смысле) клад из двух пятилучевых фибул, шести пряжек и трёх ременных наконечников, найденный при пахоте в 1925 или 1926 году в местечке Углы близ Старого Оскола. Вещи находились в глиняном сосуде. Клад поступил в старооскольский краеведческий музей⁵⁰.

Как видно, даже *сообщения об утраченных кладах*, а тем более пусть частично, но сохранённые для науки находки древностей, сделанные при случайном стечении обстоятельств, всё же позволяют историкам, археологам, искусствоведам делать достаточно принципиальные выводы, пополнять фонды и экспозиции музеев. А применительно к мигрирующим или кочевым этносам именно «эти разрозненные и слабо документированные находки нередко являются единственным источником для восстановления целых исторических эпох, для установления путей следования и разнообразных связей того или иного степного народа»⁵¹.

Кроме случайных находок старинных редкостей, другим, причём парадоксальным стимулом для кладоискательства, со второй половины XIX столетия становятся раскопки профессиональных археологов, которые в это время вплотную занялись, наконец, так называемыми тогда внутренними губерниями Российской империи. Эти раскопки происходили на глазах у местных жителей и порождали среди них различные домыслы. По типичному свидетельству одного из основоположников отечественной археологии — киевского профессора В.Б. Антоновича, при раскопках «главное неудобство, это — настроение населения, все слои которого обуяны манией кладоискательства». Наблюдающие работу археологов «зрители глубоко уверены, что цель исследования состоит в отыскании клада и никакие убеждения не могут опровергнуть этой предвзятой мысли; крестьяне ежеминутно появляются с указаниями на места, где, по их словам, "горят гроши"; с рассказами о железных дверях, таинственных погребах и т.п. созданиях фантазии»⁵².

Перелом в отношении к древним могилам и городищам — резкое снижение пиетета перед ними у великорусского крестьянства обозначился в реформационные 1860-е годы. Не только в Курской, но и в других губерниях Европейской России⁵³ с этого времени заметно учащаются случаи

⁴⁹ Цит. по: Боева В. Новые тайны курских кладов // Друг для друга. 2016. 30 августа. № 35 (1142). С. 5.

⁵⁰ См.: Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя... С. 68 (примечание).

⁵¹ Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 6.

⁵² Антонович В.Б. Археологические изыскания на берегах Растваицы // Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 1. Оп. 1887 года. Д. 13. Л. 32 а.

⁵³ См.: Бердинских В.А. Археология и кладоискательство в Вятском крае XIX века // Российская археология. 1992. № 3. С. 222.

самовольных раскопок, когда алчность и безрассудство побеждали суеверную боязнь и религиозное благоговение земляков перед седой стариной. Дальнейшие рецидивы криминальной «археологии» приходились на годы социальных потрясений и кризисов, доламывавших патриархальный, вообще традиционный уклад жизни в России. А учёные археологи своими полевыми работами не столько опережали, сколько невольно провоцировали разрушение ландшафтных памятников местным населением.

Этот парадокс иллюстрируем опытом одного из первых и активнейших исследователей южнорусских, в том числе курских древностей — профессора Дмитрия Яковлевича Самоквасова (1843–1911). Ему несколько раз, в том числе в здешних местах, приходилось производить скрупулёзное *доследование остатков археологических памятников после кладоискателей*. Эта сторона археологической практики служит одним из признаков её перехода на вполне научный, профессиональный уровень — информационная отдача вещественного источника становится важнее его сугубо материальной ценности.

Вот характерный эпизод из раскопочной практики профессора. Когда в 1909 году он задумал масштабные раскопки возле села Гочева Обоянского уезда, на уникальном древнерусском курганнике, то выяснилось: крестьяне из окрестных сёл полным ходом ведут здесь грабительские раскопки. Они усилились вслед за рекогносцировочной экспедицией Константина Петровича Сосновского, акцизного чиновника, члена Курской учёной архивной комиссии, по заданию профессора обследовавшего памятники верхнего течения Псла. Более других преуспел в сомнительном промысле кладоискательства некий, как ни странно, слепец — житель села Филатова Иона Никитич Есипов. В оправдание своих набегов на археологический памятник он заявил представителю Комиссии, будто где-то здесь, «в кургане погребены генерал с женой, которые в частых видениях слепому просят их откопать»⁵⁴. Абсурд заключался в том, что вместо кургана слепой бесплодно копал ... вал Гочевского городища, «вырыв в нём целую пещеру», но ничего ценного для себя не нашёл.

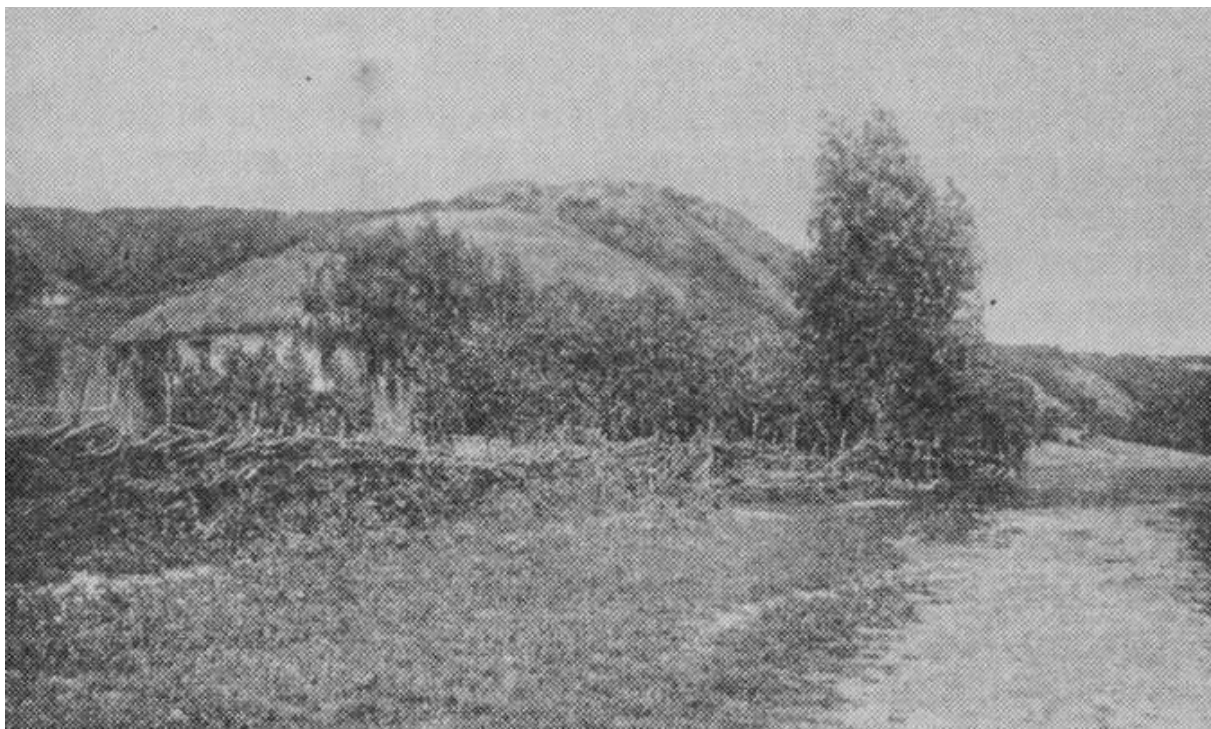
Характерно для тогдашнего состояния охраны исторических памятников — упомянутый слепой продолжал разрушительную деятельность, втравливая в неё других крестьян, и после раскопок Д.Я. Самоквасова в районе Гочева. Здесь, к сожалению, народная набожность уступила алчности и древние могилы подверглись варварской «эксгумации». Свои услуги «гида» по некрополю Есипов предлагал профессору, от чего тот решительно отказался. Тогда фанатичный кладоискатель обратился с прошением к курскому губернатору, предлагая тому продолжить поиски сокровищ по его указаниям. «... В 1909 году, — писал, между прочим, Есипов (точнее — писарь под диктовку), — приезжал какой-то профессор — делал испытание, отыскивал кладбище поодаль горы, отрывал человеческие трупы, убранные

⁵⁴ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 19–20.

драгоценностями, но гору под названием "Городище" не раскапывал...»⁵⁵. Таким образом гочевские раскопки Самоквасова и его сотрудников из Курска отражались в сознании окрестных крестьян. Прошение перешло из губернаторской канцелярии в ту же Архивную комиссию, которая постановила: «Объяснить Есипову, что нет возможности производить вторичное обследование Гочевского городища», но «при случае проверить заявление Есипова о сохранившихся археологических предметах»⁵⁶.

Из приведённого сюжета, между прочим, видно, как много ценного археологического материала спасли для науки и культуры раскопки Д.Я. Самоквасова и других учёных прежних времён, несмотря на известное несовершенство методики их проведения. Буквально по пятам археологов, а то и опережая их, шли жадный до любой мало-мальски плодородной земли плуг пахаря и лихорадочная лопата кладоискателя.

Эффективных мер по охране едва ли не самого большого тогда в Европе по числу курганных насыпей Гочевского комплекса так и не приняли, и он продолжал разрушаться вплоть до сегодняшнего дня — хозяйственной деятельностью крестьян и их кладоискательскими порывами, а начиная с 1990 – 2010-х годов, когда в России резко вырос «чёрный рынок» древностей, и приезжими из Курска и Москвы грабителями курганов.

*Гочевское городище на Псле. Вид 1930-х годов. Фото Б.А. Рыбакова.
По кн.: Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1980.*

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911. С. 75.

Преемственность кладоискательских сюжетов фольклора видна на вторичной мифологизации фигур уже не кладообразователей, а кладоискателей. В такую легенду среди земляков превратился гочевский фанатик криминальной археологии И.Н. Есипов. Он продолжал бессмысленное по своим результатам рытьё городища многие годы, вплоть до советских времён. А в 1970-е годы курские фольклористы из педагогического института записали в соседнем селе Бобраве следующую версию его кладоискательских подвигов: «Дедня — звали место, где турки у Гочева зарыли в бочках золото. Дед ходил копать 40 лет, — рассказывают в деревне. — Придут, бывало, к нему в дом [покойники] жаркими лошадьми и зовут: "Что ж ты? Начал копать — кончай! Выпускай же нас!"»⁵⁷. Нетрудно представить, сколько археологического материала из культурного слоя роменской и древнерусской эпох погубил и этот «дедушка курского кладоискания», и его несмышлёные помощники (при попустительстве и царских, и советских, а теперь и российских чиновников низового звена, на чьих глазах совершались варварские набеги на городища и курганы).

Все изложенные в этой главе и похожие *истории о кладоискателях Курского и соседних краёв* дают основание для некоторых выводов, немаловажных для истории национальной науки и культуры. Искомые и иногда по случаю находимые древности по крайней мере до конца XVII столетия, да нередко и позднее оценивались как государственными чиновниками, так и частными лицами исключительно с материальной, денежной стороны. «... Участие правительства к находимым кладам зависело не от интереса его к предметам древности, а от права на всё заключающееся в недрах земли»⁵⁸. — Констатировал при обсуждении «сыскных дел» о кладах известный историк русского права М.В. Владимирский-Буданов. Поначалу клады входили в общий правительственный наказ воеводам «радеть о государственной прибыли». На один вдруг обнаруженный клад приходилось множество безуспешных и уголовно наказуемых попыток разбогатеть таким образом. При этом страдали реальные памятники старины — курганы, городища, монетные и вещевые клады. Трудно оценить ущерб, нанесённый многовековым кладоискательством будущей исторической науке, подземной сокровищнице отечественного искусства. Незарегистрированных властями походов за спрятанными драгоценностями предпринималось, надо полагать, много больше, чем расследованных воеводами, губернаторами, а потом чекистами.

Вместе с тем именно по ходу довольно многочисленных дел о розыске кладов у представителей власти накапливалась некоторая, пусть поначалу самая скромная информация о древностях своего края: восточные монеты отличались от отечественных, курганы от городищ и так далее. Ещё важнее постепенная *выработка официального отношения к древностям* (сперва

⁵⁷ Юдин Ю.И. О сказках и сказочнице // Бобравские сказки, рассказанные в селе Бобраве Курской области Дарьей Васильевной Струковой. Курск, 2001. С. 3.

⁵⁸ Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца... Кн. VII. С. 17.

только материально ценным) как монополии государства. Судя по цитированным выше архивным материалам, окончательное решение по всем зафиксированным эпизодам кладоискательства поначалу принималось в Москве, центральным правительством, а то и лично царём. Следствие по таким делам велось поэтому на местах исключительно быстро, без распространённой тогда волокиты. В случае успеха чиновников ожидало похвальное царское слово, неудачников царские же рескрипты укоряли, не стеснялись прямыми указаниями на глупость (то есть неполное служебное соответствие). В условиях местнического карьеризма и то, и другое действовало на государственных служащих весьма эффективно. Население и убеждением, и принуждением (вплоть до пыток) приучалось смотреть на археологические объекты как на некий государственный заповедник. В результате до начала научных раскопок просуществовало гораздо больше земляных памятников, нежели успели разрушить кладоискатели.

Сергей Николаевич Замятин (1899–1958).

Рисунок по кн.: Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Замятинский сборник, Вып. 1. СПб., Наука, 2008.

Принятый насчёт кладов порядок делопроизводства подготовил почву для первых законодательных актов, взявших под охрану государственные интересы в данной области. Имеются в виду указы Петра I о собирании «старых вещей» коллекционного значения для Кунсткамеры (1718 и 1721 годов обнаружения), а также специальный закон 1723 года. Последний гласил: «А кто, кроме воров, разбойников и рекрут, где какую руду или *поклажее* прямо знает, и о том доносит заблаговременно без всякой

утайки, за то, ежели подлинно докажет, то может быть от Его Императорского Величества пожалован»⁵⁹ (курсив мой — С.Щ.).

*Волот (славянской мифологии), или же ётун (мифологии скандинавской).
Картинка в сайта: Fantasy.rugala.net*

Так на общем фоне меркантильного интереса к поискам исключительно драгоценных реликвий мало-помалу вызревало иное, — познавательное, охранное отношение к памятникам далёкой старины со стороны государственной власти и части образованной публики. Примечательно, что именно к Центрально-Чернозёмному региону относится первое известное нам правительственное мероприятие по самоценному изучению археологически важных объектов в нашей стране. Речь идёт о грамоте за 1684 года — периода недолгого соправительства Петра и Ивана Алексеевичей Романовых. Дело именуется по понятиям того времени — «О находке костей бывших людей — волотов». Документ содержится в так называемых столбцах (свитках) Белгородского стола Разрядного приказа. Она посвящена находке огромных костей (мамонта?) в районе Харькова, на речках Ольшаной и Лосине, притоках речки Уды, впадающей в реку Северский Донец. На диковинный скелет наткнулся в 1679 году сотник Харьковского полка так называемых черкас (украинцев на русской службе) Иван Демьянов сын Смороцкий, когда копал землю для мельничной плотины

⁵⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4367. § 3.

в урочище Песочный Колодец близ речки Ольшанки. О своей находке спустя пять лет, в 1684 году, оказавшись в столице, он объявил в Разряде и для пущей убедительности предъявил «зуб волота» (зуб, а не то и бивень мамонта?). Описывая московскому начальству положение «великана» в земле, Смороцкий сообщил, что кости «лежат вначь, преж голову, а руки длиною аршин до 5, и ребра шириною по аршину, а длиною — сказать не знает, потому что те кости погнили и иструпорешили». «Описание весьма выразительно, — решил Сергей Николаевич Замятнин, повторно опубликовавший этот документ для сведения археологов, — и не оставляет сомнения, что мы имеем дело с остатками ископаемого слона»⁶⁰.

Грамота из Разрядного приказа курскому воеводе
с распоряжением об исследовании палеонтологической находки.
Из статьи С.Н. Замятнина в XIII выпуске «Советской археологии».

⁶⁰ Замятнин С.Н. Первая русская инструкция для раскопок (Находка костей «волота» в 1679 году) // Советская археология. 1950. № XIII. С. 290.

В Белгородском столе Разряда соответствующее дело доверчиво назвали: «О находке костей бывших людей-волотов». Царский указ (за прописью дьяка Любима Домнина) курскому воеводе боярину Алексею Семёновичу Шеину (1662–1700) как ближайшему к месту действия начальнику предписывал: «Послать по весне в те места из Курска кого пригоже» и «тому посыльному велеть того человека ноги откопать, а откопав, кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину и написать на роспись и на чертеж начертить. Да о том и нам, Великим Государям, писать»⁶¹. Весьма показательный для познавательного мотива царской воли штрих: плохо сохранившиеся кости для точности измерения рекомендовалось предварительно окопать. Перед нами один из первых, если не самый первый, эпизод почти что научного, немеркантильного интереса к ископаемым древностям в нашей стране. Смороцкий в своём донесении честно отметил, что обнажившиеся кости великана разобраны любопытными соседями (как сейчас бы сказали, на сувениры), но остававшиеся в земле «те кости откопать мочно».

19 апреля (то есть, как только сошёл снег) 1684 года «для досмотра, и меры, и чертежа волотовых костей из Усть-Песочного Колодезя, где укажет ольшанский сотник Иван Смороцкий» выехал курчанин Максим Никифоров сын Анненков, взяв на подмогу «градских людей сколько человек пригоже». Эта уникальная для своего времени экспедиция с археологическими целями не увенчалась успехом. Иван Смороцкий исправно показал место находки, но «нынче на том месте тех волотовых костей ничего нет, потому что де то место поляя вешняя вода разнесла». Даже найденные сначала кости «разобрали разных городов многие люди», а имевшаяся у Смороцкого половина «волотова зуба в пожарное время утратилась».

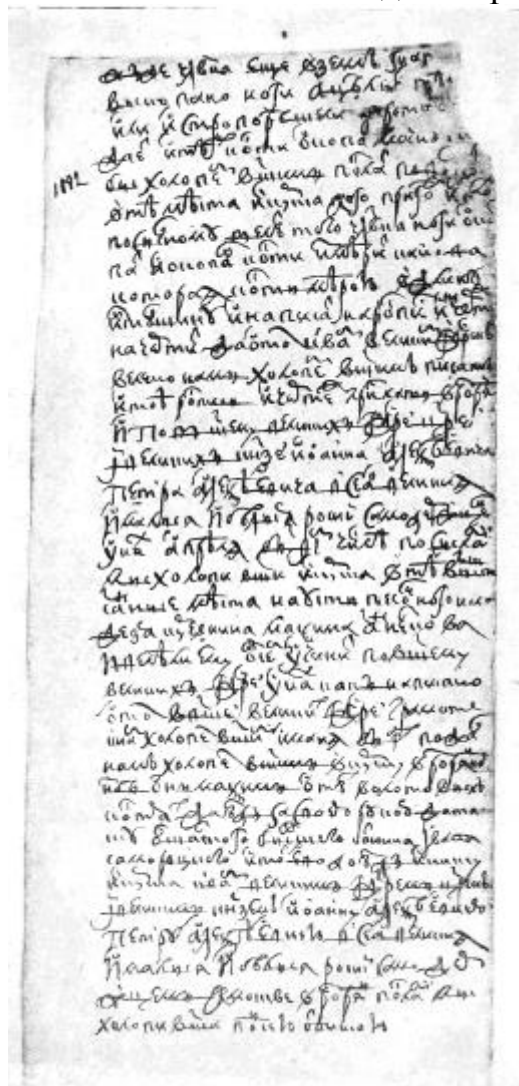
Переиздавший (в годы приснопамятной борьбы И.В. Сталина с «космополитизмом» и утверждения во всём русского приоритета) цитированный документ советский археолог «С.Н. Замятнин называет эту грамоту первой русской инструкцией для раскопок. Может быть, это и слишком, но интерес её бесспорен. Перед нами, — заключал ведущий историк отечественной археологии А.А. Формозов, — свидетельство бескорыстного любопытства к памятникам далёкого прошлого. Это уже не интерес к кладу, к сокровищу, а зачаток научной любознательности»⁶². Добавим: и на курском пограничье, и в московском правительстве, и в царском дворце. За двести лет до появления палеонтологии как науки все действующие лица описанной истории вполне естественно дали удивительной находке легендарно-мифологическое объяснение. Но почему-

⁶¹ Цит. по: *Замятнин С.Н.* Первая русская инструкция для раскопок (Находка костей «волоота» в 1679 году) // Советская археология. 1950. № XIII.

Первая публикация этого же документа: *Новомбергский Н.Я.* Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия. Продовольственное строение. Материалы // Записки Московского Археологического института. Т. XX. М., 1915. С. 199–201.

⁶² *Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 22.

то одновременно сделали всё, чтобы сохранить сведения о ней поточнее и поплнее. Получилось — сохранили для потомства; обозначили, что ни говори, приоритет русской мысли в познании доисторического прошлого.

Рапорт сына боярского Анненкова о результатах экспедиции по поискам «костей волота».

Из статьи С.Н. Замятнина в XIII выпуске «Советской археологии».

Откуда при царском дворе возник интерес к вроде бы бесполезным, но чудным на вид костям, по опубликованным до сих пор документам судить трудно. В XVI–XVII столетиях в Западной Европе нарастало увлечение разными антиками, возрождались каноны греко-римской классики; формировались предпосылки революции в познании природы — зарождалось научное естествознание, вообще наука современного типа. Обо всём этом москвиты могли узнать в ходе дипломатических и торговых визитов ещё допетровского времени. Итальянские мастера — архитекторы, литейщики, инженеры — появились в Московии в 1470-е годы ⁶³. Нельзя

⁶³ См.: *Беляев Л.А.* Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М., 2005. С. 34–36 («Первая попытка вестернизации: итальянские мастера в Москве»).

исключить и внутренние — летописно-книжные, фольклорные — импульсы к зарождению собственного древлеведения на русской почве (о которых говорилось в предыдущем параграфе).

*Профессор Николай Яковлевич Новомбергский (1871–1949),
историк русского государства и права;
первым опубликовавший многие «археологические» документы
приказного делопроизводства;
навсегда сосланный в 1930 году в Архангельск.*

Фото 1940-х годов из фондов Государственного архива Архангельской области.

Как видно по архивным фондам курских краеведческих учреждений, неожиданные находки более или менее ценных и древних предметов на пашне и при прочих земляных работах, после речных разливов и по сносу старых зданий, в осушаемых колодцах и на водяных мельницах повторялись с определённой периодичностью издавна и поныне. Согласно законодательству Российской империи, клад, обнаруженный на частной земле, полностью принадлежал её владельцу «и без его позволения не только частными лицами, но и местным начальством отыскиваем быть не может» (согласно статье 430 X тома «Свода законов гражданских»). А попавшийся на земле общественной или казённой клад принадлежал своему находчику. Однако в последнем случае все «ценные и особо важные в научном отношении предметы», найденные «в земле казённых имений, — древние монеты, оружие и другие достопримечательные вещи» подлежали

обязательной экспертизе государства — на предмет возможного выкупа в свою собственность.

Согласно специальным правилам, утверждённым Николаем I и опубликованным во всех «Губернских ведомостях» в 1841 году, клады и прочие археологические находки положено было представлять уездному и губернскому начальству («за что впоследствии, чрез то же начальство, находчик получит приличную за находку свою награду»). Через окружные инстанции обнаруженные древности, их «описания, рисунки и снимки» препровождались в министерства государственных имуществ или же народного просвещения. Императорская Академия наук должна была определять ценность находок и размер вознаграждения. Особо оговаривалась необходимость посылать по этой же эстафете рисунки нетранспортабельных древностей («как-то: древнее оружие большого размера, большие камни или обломки их с древними надписями и другими изображениями»). Монеты и другие драгоценные вещи «нового времени, начиная с XVIII века» к древностям тогда не относились, их находки оформлялись согласно общему закону о кладах.

С момента создания в 1859 году при Министерстве двора Императорской Археологической комиссии (ИАК) экспертиза всех доставляемых в Петербург древностей перешла к её исключительной компетенции. В помещениях Комиссии ежегодно устраивалась выставка, где самые ценные находки со всей территории страны представлялись «на высочайшее воззрение государя». Декларируемое законом участие царя в оценке доставляемых в Комиссию древностей носило чаще всего вполне формальный характер. Скажем, при посещении Николаем I музея Киевского университета святого Владимира, «проходя помещение коллекций, Государь изволил обо всём отзываться милостиво»⁶⁴. Так что на практике сам председатель комиссии, а ещё чаще его товарищ (заместитель) решали, достойна ли находка пополнить коллекции Императорского Эрмитажа или другого музея, либо её можно вернуть находчику. За музеефицированные находки их обладателю выплачивалась из казны денежная стоимость клада, обычно по весу драгоценных металлов. За особенно ценные в ювелирно-экспозиционном отношении вещи сумма компенсации премиально увеличивалась.

Однако критерии музейной, а тем более выставочной ценности даже у государственных экспертов вплоть до начала XX века оставались сугубо коллекционерскими, по сути вненаучными. Из монетного клада, например, на музейное хранение отбирались только уникальные, редкие экземпляры, а все остальные «неинтересные» монеты, дубликаты уже имевшихся в эрмитажной коллекции или другом собрании древностей, возвращались по месту находки. Так, обнаруженный в 1895 году клад русских серебряных монет XVIII века общим весом 5 фунтов 13 золотников оказался распределён Императорской Археологической комиссией между несколькими

⁶⁴ Курские губернские ведомости. 1845. № 49. С. 664.

Губернскими архивными комиссиями, Одесским обществом истории и древностей, Тверским музеем, Подольским и Тульским церковными музеями ⁶⁵.

Нередко археологически ценные находки передавались обратно тем же открывателям — пахарям, строителям, часто даже не умевшим по неграмотности подписать своё имя на полицейском протоколе возврата клада. Вот один из типичных ответов из Петербурга курским чиновникам по поводу присланного ими клада: «Императорская Археологическая комиссия, возвращая при сём присланные ... 74 пражских гроша короля Венцеслава III [1305–1306 годы правления — С.Щ.], имеет честь уведомить..., что находки подобных монет в России нередки и что ценность присланных экземпляров, ввиду их плохой сохранности и непригодности для коллекций, крайне незначительна» ⁶⁶. Ориентируясь на столь антиисторичный подход к монетным и прочимкладам, провинциальные краеведы в свою очередь сортировали их слишком произвольно. А за неимением кому из находчиков отдать старинные предметы из драгоценных металлов, они шли в переплавку. Так оказалось утрачено великое множество монет и прочих археологических редкостей, якобы «вовсе не имевших нумизматического интереса», «плохо сохранившихся» (как гласили канцелярские отписки).

Вот яркий пример сказанному. Весной 1910 года крестьянин села Берёза Дмитриевского уезда, распахивая конопляник на окраине села, выпахал кувшин с серебряными монетами. Вызванный на место события здешний учитель, любитель старины Л.М. Кусаков, «обследуя почву палкой, нашёл второй кувшин такого же размера, но с монетами меньшей величины. Зарисовки с кувшинов и монеты посылались для определения в Москву и были признаны не представляющими редкости. Как «не составляющий особой ценности в нумизматическом отношении», клад был принят от нашедшего его крестьянина по весу металла за 350 рублей полицейским управлением. Куда он был отправлен, установить не удалось» ⁶⁷ его находчикам.

Затерялось и письмо, полученное Л.М. Кусаковым от известного нумизмата, сотрудника Исторического музея А.В. Орешникова, выступившего в данном эпизоде экспертом. Сын берёзовского краеведа сохранил только выписку из него с результатами атрибуции. Монеты оказались саманидскими дирхемами, чеканенными в Самарканде в 302–303 годах от мусульманской Хиждры, то есть в 916–917 годах от Рождества Христова. В цитированной мной статье о берёзовском кладе О.Л. Кусаков дал неприятную, но вполне археологическую интерпретацию закономерности его находки между несколькими славянскими городищами IX–X веков на

⁶⁵ Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1895 года. Д. 293. Л. 196 об. – 197; Оп. 1900 года. Д. 97.

⁶⁶ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Л. 23.

⁶⁷ Кусаков О.Л. Находка клада в селе Берёзе // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 6. С. 92.

реке Свапе. К сожалению, нумизматам и историкам, занимавшимся потом берёзовским кладом, эта статья долго оставалась неизвестна.

К счастью для исторической науки, клад этот сохранился в фондах Государственного Исторического музея⁶⁸. Вопреки первоначальной оценке коллекционера музейных редкостей А.В. Орешникова, он оказался уникален сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, сочетание в одном кладе дирхемов двух видов — обрезанных в кружок (из-за порчи металла и снижения веса монеты по месту чеканки) и необрезанных, цельновесных — проливает свет на особенности денежного обращения на территории Восточной Европы в позднероменское — раннерусское времена. А именно, брянский археолог Евгений Александрович Шинаков предположил наличие у летописных северян собственной денежно-весовой системы, в отличие от киево-русской. Эта мысль была подхвачена и курскими археологами⁶⁹. Далее, из более чем полутора тысяч монет этого берёзовского клада на 83 оказались выявлены граффити⁷⁰. А этот источник исторической информации привлёк в последние годы самое пристальное внимание учёных. Если бы первый берёзовский клад был распродан частным коллекционерам или переплавлен на слиток серебра (как многие другие его «собратья»), содержащаяся в нём уникальная историческая информация пропала бы навсегда.

По одной Курской губернии за вторую половину XIX – начало XX века из нескольких тысяч монет римской, арабской, монгольской, западноевропейской, русской, татарской, польской чеканки, найденных в виде кладов, и представленных в Археологическую Комиссию, та отобрала для музейного хранения считанные десятки, а остальные вернула за ненадобностью находчикам или передала на Монетный двор для перечеканки.

В нашем распоряжении имеется весьма показательная выборка (хотя далеко не полная) из архивных дел Археологической Комиссии о случайных находках древностей в разных губерниях за 1859–1904 годы. Её составил в 1906 году фактический руководитель ИАК Александр Андреевич Спицын, но

⁶⁸ Первая публикация клада: *Кропоткин В.В.* Новые находки саманидских и куфических монет в Восточной Европе // Эпиграфика и нумизматика. Т. IX. М., 1971. С. 81.

⁶⁹ См.: *Шинаков Е.А., Зайцев В.В.* Клады как источник по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история юго-востока Древней Руси. Воронеж, 1993; *Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей. Курск. 2005. С. 151.

⁷⁰ Первая публикация граффити на монетах берёзовского клада: *Наханетян В.Е., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. № 318–400.

Полная публикация и дополнительное исследование того же эпиграфического комплекса: *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 138–146.

издать не сумел ⁷¹. Схематично изложенные данные из этой справки по Курской губернии, дополненные нами несколькими сообщениями, отложившимися в Курском архиве или опубликованными после работы А.А. Спицына, впервые опубликованы мной ⁷²; в исправленном и дополненном виде эта сводка выглядит так.

**Сводка монетных кладов Курской губернии,
составленная по архиву Императорской Археологической комиссии
и другим источникам**

№ п/п	Год находки	Место обнаружения	Содержание находки	Решение ИАК насчёт клада
1	2	3	4	5
1	1863	г. Курск, при рытье фундамента	874 серебряных гривны царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича	В МВД ⁷³
2	1866, 1878	Близ деревни Моисеевой Дмитриевского уезда, на берегу р. Свапы	Два клада абассидских диргемов XIII–IX вв. + 1 монета Византии IX в. (в глиняных сосудах)	5 куфических монет и 1 византийская в коллекцию М.П. Погодина; 1 диргем в ИМАО; остальные возвращены находчикам ⁷⁴

⁷¹ См.: *Спицын А.А.* Материалы для каталога древностей, поступивших в Императорскую Археологическую комиссию с 1859 по 1904 год // Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 738. Л. 108–109.

О неучтённых в сводке А.А. Спицына курских кладах см. в особенности: *Горохов Т.А.* Монетные клады Курской губернии // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 4; *Щавелёв С.П.* Клады арабского серебра в Курском Посеймье // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 года. СПб., СПбГУ, 2002. С. 144–149; а также в нижеследующих ссылках.

⁷² См.: Сводка монетных кладов Курской губернии, составленная по архиву Императорской Археологической комиссии // *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Вып. 1. Курск. 1997. С. 58–62.

⁷³ ГАКО. Ф. 4. Оп. I. Д. 37. Л. 3 и следующие.

⁷⁴ См.: Известия Императорской Археологической комиссии. Т. VI. СПб., 1868. С. 242 (отд. 2-й); *Спицын А.А.* Обзорение Курской губернии в археологическом отношении // Курский сборник. Вып. I. Курск, 1901. С. 100; *Сизов В.И.* О найденных в Курской губернии восточных монетах // Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества. Т. IX. Вып. 1. М., 1881. С. 31; *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (саманидских и куфических). СПб., 1910. С. 15–16.

3	1868	Близ села Петровы Буды Суджанского у.	997 татарских монет XIV в. + 5 саумов (слитков) в глиняном сосуде	Эрмитаж ⁷⁵
4	1876	Близ с. Ястребовки Белгородского у.	89 татарских (джучидских) серебряных монет	В Эрмитаж
5	1879	Близ с. Мирополье, у слободы Запселья, урочище Погребное Суджанского у.	295 куфических монет Умейядов и Абассидов XVIII–IX вв. в глиняном горшке	216 штук в Эрмитаж, остальные на Монетный двор перечеканивать
6	1880	д. Тураевка Львовского у.	Медная чаша, 2 серебряных стакана, 2 серебряные солонки, 28 серебряных рублей 1710–1725 гг.	Вещи в ГИМ; 7 монет в Томский университет; остальные на Монетный двор
7	1882	На р. Туровке, притоке Псла; между деревнями Гридасовой и Лунёвкой и хутором Таневым	В горшке более 300 серебряных монет римских императоров: Траяна, Антонина Пия, Фаустины, Адриана и др. до Септимия Севера	6 монет в курский губстаткомитет; 16 монет в музей Киевской Духовной академии; 1 из них впоследствии возвращена курской ГУАК
8	1883	Близ села Старикова Корочанского у.	Серебряные монетные гривны новгородского типа (4 целых и 2 половины) и серебряные украшения: шейная гривна, браслеты, серьги, колты, серебряный же лом. Всё — XII–XIII вв.	В Эрмитаж ⁷⁶ . 1 денежная гривна осталась в церкви села Старикова

⁷⁵ См.: *Тизенгаузен В.Г.* Находки золотоордынских монет в Суджанском уезде при деревне Петровы Буды // *Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества.* Т. III. М., 1882. С. 175; *Записки Императорского русского Археологического общества.* Т. XI. Вып. 1–2. СПб., 1893. С. 246.

⁷⁶ Самое полное описание и атрибуция: *Гуцин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII веков. Л., 1936. С. 49 (Табл. XIII, XV); *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII веков. М.–Л., 1954. С. 141.

9	1885	Суджанский у.	337 серебряных польских и русских монет (XVII века?)	В музей Курской классической гимназии
10	1889	Корочанский у.	213 русских медных монет XVIII века	На Монетный двор для перечеканки
11	1890	г. Рыльск	14 серебряных бельгийских монет XVII века	Возвращены находчикам
12	1892	г. Щигры	Серебряные татарские монеты XIV века	5 проданы коллекционеру-нумизмату Т.А. Горохову; остальные на Монетный двор
13	1893	д. Чаплыгина Курского у.	Общим весом 1 фунт 14 золотников 82 доли серебряных русских монет XVII века	Проданы коллекционерам
14	1894	Молченский монастырь Путивльского у.	Общим весом 8 фунтов 35 золотников русских и польских монет XVII века	Возвращены находчикам
15	1896	Возле Ратского городища Щигровского у.	254 серебряных и 29 медных римских монет Августа, Нерона, Гальбы, Веспасиана, Траяна, Антонина пия, Марка Аврелия, Люция Вера, Фаустины	В коллекцию Т.А. Горохова
16	1897	д. Бирюковка Суджанского у.	39 серебряных русских монет XVII века.	В Курский губстаткомитет
17	1898	г. Путивль	4 фунта 73 золотника русских серебряных монет XVII века	Проданы коллекционерам
18	1899	г. Путивль	3 фунта 80 золотников русских серебряных монет XVII века	На Монетный двор
19	1900	Близ г. Белгорода	В кубышке 5 фунтов 193 золотника серебряных монет XVI–XVIII веков	По частям: в СПб. Археологический институт и разные ГУАК
20	1901	с. Яблоново Корочанского у.	Серебряные копейки Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича	Возвращены Курскому губстаткомитету «по отсутствию в них археологического значения»
21	1903	Коренная пустынь	Медная чашка с диргемами X в. + 16 серебряных бляшек и 2 серебряных слитка	В ГИМ

22	До 1908	На р. Руде около села Гнездилова Фатежского уезда	Арабские диргемы 708 и 772 гг. чеканки	Остались у находчиков ⁷⁷
23	До 1908	На р. Усоже у с. Милёнкина Фатежского у.	1 римская монета Фаустины, около 174 г. выпуска	В музей Курской ГУАК
24	До 1909	д. Шмырёво Обоянского у.	Римские серебряные монеты II в. новой эры; бронзовые подвески с красной эмалью	3 монеты куплены Д.Я. Самоквасовым для музея Курской ГУАК ⁷⁸
25	1909	Льговский у.	Серебряные татарские (джучидские) монеты — 101 штука	Отправлены в ИАК ⁷⁹ («Древности не представляют»)
26	1910	г. Путивль	24 монетных слитка из серебра новгородского типа, завёрнутые в бересту; на всех нарезки-пробы; на двух надписи: «Матфей», «Павел»	5 гривен в Румянцевский музей Москвы; остальные возвращены находчикам ⁸⁰
27	До 1911	Урочище Пыхтино (Подкатырино тож) Курского уезда, на берегу Сейма	Несколько фунтов татарских серебряных монет	Часть в музей Курской ГУАК и в коллекцию Н.Н. Лоскутова
28	1913	При рытье погребов в с. Чернянке Новооскольского у.	828 медных русских монет разного достоинства второй половины XVIII века	Часть прислана в ИАК, ею возвращены находчикам
29	1913	При рытье погребов в с. Берюже Путивльского у.	156 серебряных копеек Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича и 77 медных копеек последнего	Часть прислана в ИАК, ею возвращена находчикам

⁷⁷ См.: Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. I. Курск, 1911. С. 136–137.

⁷⁸ См.: Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях села Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М., 1915. С. 4.

⁷⁹ См.: ГАКО. Ф. 4. Оп. I. Д. 635. Л. 4.

⁸⁰ См.: Ильин А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921. С. 130.

30	1914	д. Переверзева Курского у.	883 польских, прусских и шведских монет XVII в.	В ИАК, потом возвращены находчикам
31	1914	с. Котлево Льговского у.	142 русских медных монеты первой половины XVIII в.	В ИАК, потом возвращены находчикам
32	1914	д. Надёжовка Льговского у.	418 польских, шведских и бранденбургских серебряных монет первой половины XVII в.	В ИАК, потом возвращены находчикам
33	1914	с. Козино Путивль- ского у.	2378 русских серебряных копеек 1698–1714 гг.; фрагмент испанского талера; польские монеты XVIII в.	В ИАК, потом возвращены находчикам
34	1914	с. Соколя Плата Тимского у.	39 русских серебряных рублей XVIII в.	В ИАК, потом возвращены находчикам ⁸¹
35	1914	г. Льгов	Арабские диргемы	Выкуплены курским губернатором за 240 рублей ⁸²
36	1915	Слобода Борисовка Грайворон- ского у.	150 русских медных монет второй половины XVIII в.	В ИАК, потом возвращены находчикам
37	1915	Близ с. Коробкина Льговского у.	7 позолоченных серебряных витых браслетов и золотые византийские монеты Романа I, Константина и Христофора (920–944 гг.)	Браслеты в Эрмитаж, монеты возвращены находчикам
38	1915	д. Севенки Льговского у., на пашне	200 римских серебряных монет от Веспасиана до Септимия Севера	Возвращены находчикам
39	1915	Слобода Белая Суджанского у. В стеклянном кувшине	Русские серебряные копейки Петра I	Возвращены находчикам ⁸³
40	XIX в.	Курская губерния	Золотоордынские монеты XV в. + 2 денежных слитка Руси (рубль и полтина)	Эрмитаж ⁸⁴

⁸¹ См.: ГАКО. Ф. 4. Оп. I. Д. 172. С. 35.

⁸² См.: Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1913–1915 годы. Пг., 1918. С. 195–197, 255 (рис. 251).

⁸³ См.: Известия Императорского Русского Археологического общества. Т. VII. СПб., 1886. С. 229.

⁸⁴ См.: Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII веков. М.–Л., 1954. С. 86.

Из таблицы видно, как много научной информации оказалось потеряно в результате произвольной сортировки и разобщения содержимого кладов чиновниками и нумизматами прошлого. Современная — историческая археология выработала иной, системный подход к оценке «вкладов из подземного банка». Исследователям и музейным хранителям теперь важны не только все без исключения предметы из клада любой давности, но и точное место, условия залегания; обстоятельства находки его; ёмкость, где клад находился. Только учтя все эти обстоятельства, удаётся сделать сколько-нибудь полные и надёжные выводы о тех людях и той эпохе, чьё наследство обнаружено спустя века. Клад ныне рассматривается уже не как механическое соединение предметов разной ценности, а как единый комплекс — источник исторических знаний, образец культуры прошлого.

По кладовым находкам, особенно нумизматическим, выполнены фундаментальные исследования по отечественной истории (труды А.С. Гущина, А.А. Ильина, В.В. Кропоткина, Г.Ф. Корзухиной, Е.А. Мельниковой, В.М. Потина, В.Л. Янина, А.В. Фомина, Н.Ф. Котляра, В.В. Зайцева и Е.А. Шинакова, В.В. Енукова и других авторов). Многие их страницы построены на южнорусских, в том числе курских, по происхождению материалах. Причём в научный оборот введены ещё не все сохранившиеся в музеях кладовые комплексы и их фрагменты. Так, найденные в 1937 году при полевых работах около Ратского городища под Курском дирхемы (чеканки 896 года в Ташкенте и 908 года в Самарканде) сразу поступили в Курский краеведческий музей. Наконец-то, наконец, в 2017 году Курский музей археологии подготовил каталог хранящихся в его фондах монет. Жаль, что его не тиражировали типографски, но и электронный вариант ⁸⁵ будет очень полезен и учёным-нумизматам, и музейщикам, и коллекционерам монет.

Как бы там ни было с нумизматами и историками, но явное большинство кладов, объявившихся на свет божий, так и не доходило, судя по всему, ни до тех, ни до других. Извечный страх российского обывателей перед полицией и вообще властями, естественная для малоимущего и тёмного человека тяга к богатству, заставляли держать доставшуюся по счастью находку в секрете. Найденные в земле ценности чаще всего потихоньку сбывались городским ростовщикам, ювелирам, случайным людям при деньгах, в лучшем случае — подвернувшемуся коллекционеру.

Скупкой монетных кладов в Курске 1890–1920-х годах успешно занимался здешний любитель старинных монет, впоследствии штатный нумизмат Курского краеведческого музея Тихон Абрамович Горохов (1869 – после 1951). 15 из приобретённых им кладов древнеримских, арабских, русских и прочих монет описаны в несколько раз цитируемой мной в этой книжке его статье. К сожалению, музеефицированной оказалась малая часть накопленных этим человеком монетных запасов. О противоречивой личности

⁸⁵ См.: Монеты Курского края. Нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии. Каталог. [2017].

и сомнительной деятельности Т.А. Горохова подробнее упоминается мной далее, в главе о советских краеведах. Здесь отмечу, что превратности судьбы заставили его распродавать в 1940–1950-е годы свою коллекцию по частям, включая вышеупомянутые клады арабского серебра. Теперь уже не установить, какую часть монет он купил на свои кровные деньги, а какую, возможно, позаимствовал из музейного фонда. Так, несколько дирхемов он продал А.А. Формозову, а другие, явно из одного и того же клада — В.Л. Янину, в бытность их студентами исторического факультета МГУ. Через них эти монеты перешли в ГИМ⁸⁶. Как видно на ужасном примере Горохова (музейный нумизмат торгует фондами своего хранилища) совмещение музейной должности и коллекционерства древностей небезопасно для их сохранности. Между тем эта сомнительная традиция по сей час имеет место в курских хранилищах древностей. Я убеждён, что коллекционер монет и других древностей не должен возглавлять их государственное хранилище. Такого рода ситуацию наш гениальный сказочник Е.Л. Шварц изобразил в своей пьесе «Тень», где людоеды служат оценщиками в городских ломбардах... А о сотрудничестве местных археологов с их «чёрными» партнёрами, тоже ведь собирателями древностей, я дорасскажу позже.

Порой крестьяне или мещане просто не подозревали истинной ценности найденного. Тогда древние вещи выбрасывались обратно, ломались, а не то приспособлялись к домашнему хозяйству. Например, серебряным фаларом из старосуджанского «клада» несколько лет глушили огонь из самовара, а из стеклянного стакана с блюдцем того же «клада» пили чай, пока В.А. Городцов и Л.А. Мацулевич не выпросили этих предметов для столичного музея. Позднее Ю.А. Липкинг опорочил античную амфору из-под самогонной закваски, приготовленной практичными крестьянами из курской глубинки. Ещё позже преподаватель археологии в Курском педагогическом институте К.Ф. Сокол под угрозой вызова милиции собирал клад арабских дирхемов и выпытывал сведения о его находке у студентов-заочников из всё того же богатого на клады села Берёзы Дмитриевского района (спасённые монеты были переданы им в ГИМ).

А известного в Курске «щигровского сфинкса» из литого песчаника (оказавшегося на поверку не древней статуей, а игрой природы), крестьяне-находчики первоначально установили возле избы на потеху своим детям, охотно «скакавшим на каменном коне»⁸⁷. Сейчас «сфинкс» стоит у входа в областной краеведческий музей. Неплохой памятник местному кладоискательству!

Наконец, необходимо отметить случаи вполне сознательного, разумного отношения простых крестьян и горожан ко внезапно открывшимся

⁸⁶ Сообщено автору А.А. Формозовым.

⁸⁷ *Кобылин А.Н., Сосновский К.П.* Щигровский сфинкс (каменная фигура в Курском музее) // Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 2. Курск, 1915. С. 6.

им древним сокровищам. Определённое количество кладов и других археологических находок куряне честно, благородно доставляли в областной краеведческий музей или пополняли ими похожие подборки старины в школах, районных музейчиках. Так, например, поступил в областной краеведческий музей найденный после Отечественной войны при пахоте клад серебряных украшений женского убора и воинской «портупей» «антского круга». Первый эксперт этой находки — московский доцент М.В. Воеводский уступил её публикацию Б.А. Рыбакову⁸⁸ (Однако при музейном хранении целостность этого клада утратилась — он оказался произвольно разделён между суджанским и двумя курскими музеями, краеведческим и археологическим и, по сути, там утрачен).

*Игра природы из литого песчаника «Цыгровский сфинкс»
у входа в Курский областной краеведческий музей.
Фото с сайта музея.*

В огромном большинстве эпизодов, впрочем, кладоискательская тема исчерпывалась досужими разговорами. Вроде тех, что ведут герои чеховского рассказа «Счастье» — южнорусские крестьяне-пастухи: «В этих местах много кладов..., только, брат, копать их некому. Никто настоящих мест не знает, да по нынешнему времени, почитай все клады заговорённые. Чтоб его найти и увидеть, талисман надо такой иметь... Есть счастье, да что с него толку, если оно в земле зарыто?.. Дождутся люди, что его паны выроют

⁸⁸ См.: Рыбаков Б.А. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. 27. М., 1949. С. 75–90.

или казна отберёт. Паны уже начали курганы копать... Почуяли! Берут их завидки на мужицкое счастье! Казна тоже себе на уме. В законе так писано, что ежели который мужик найдёт клад, то чтоб к начальству его представить. Ну, это погоди — не дождёшься!»⁸⁹.

По действующему в сегодняшней России законодательству все обнаруженные клады составляют собственность государства. Их утаивание подлежит уголовному преследованию по статье 87 Уголовного кодекса Российской Федерации («присвоение найденного»). В СССР 1980-х годов сдавалось до 100 кладов ежегодно. Спустя десятилетия, очевидно, гораздо меньше. Значительная их часть относится к сравнительно недавним временам войн и прочих социальных потрясений XIX и особенно XX столетий. Такие предметы, если они представляют художественную или «просто» материальную ценность, поступают в Государственное хранилище ценностей (Гохран). Другая часть находок составляет ценность прежде всего научную, археологическую и передаётся в музеи, для изучения, хранения и экспонирования. Денежная стоимость любого клада после экспертной оценки перечисляется финансовому органу того населённого пункта или района, где его обнаружили. 25% этой суммы выплачивается находчику, а 75% идёт на социально-бытовые нужды соответствующего района. В свете всего сказанного о печальной судьбе большинства русских кладов, такой порядок представляется не вполне справедливым и эффективным. В царской России, напомним, находчику по меньшей мере выплачивается полная стоимость веса драгоценного металла всех предметов из клада, переходившего государству. В наши дни повальной коммерциализации общественных отношений стоит платить за клад большой научно-художественной ценности его максимальную, так сказать, аукционную цену. Права государства (то есть прежде всего науки и культуры) на клад из российской земли должны быть сохранены, обеспечены законодательно после перестроечной реформы земельной собственности, допустившей наконец частное владение ею. «Уже не секрет, что ежегодно законные и незаконные раскопки приносят тысячи изделий из драгоценных металлов, произведений древнего искусства из кости, камня, стекла и др., которые пользуются на мировом антикварном рынке возрастающим и устойчивым спросом. В результате при утрате контроля за хозяйственной деятельностью на земле государство уже теряет миллиарды рублей»⁹⁰.

Были, есть и будут тёмные или просто недобросовестные, корыстные люди, способные утаить по случаю открытые ими древности или даже искать их на заповеданной археологами земле. Последнее вообще глупо — по свидетельству начальника советского Гохрана, за четверть века его работы в данной должности «не было случая, чтобы мы нашли клад в том месте, где

⁸⁹ Чехов А.П. Счастье. Посвящается Я.П. Полонскому // Собр. соч. в 12-ти тт. Т. V. М., 1955. С. 223–224.

⁹⁰ Гуляев В.И., Беляев Л.А. О современном состоянии археологии в России (полемиические заметки) // Российская археология. 1995. № 3. С. 102.

нам было указано». Только простаки или наивные романтики могут клонуть на публикуемые время от времени в газетах «сенсационные» репортажи о кладоискателях, соответствующее книжное чтение⁹¹.

За прошедшие годы демократических реформ положение с кладами в России и всём СНГ значительно ухудшилось — парадоксальным образом сказалось уменьшение страха перед властями и законом со стороны массы обывателей, и в особенности некоторых нумизматов-коллекционеров, стремящихся пополнить свои собрания и заработать на торговле легко транспортабельными древностями вроде монет да ювелирных украшений. Известный учёный-нумизмат И.Г. Спасский (1904–1991) ещё при позднем СССР в переписке на обсуждаемую тему отмечал: «... Ведь голосить, как на похоронах, нужно: клады нагло расхищаются бандитами. ... У кладов, которыми земля наша нафарширована, нет хозяина. Милиция отмахивается от священного долга — следить за находками кладов. ... На "выходах" ещё тамошни кое-как перехватывают, но в обезличенном виде»⁹². На большинстве археологических памятников Курской и соседних областей с начала 1990-х годов и по сию пору систематически действуют бригады кладоискателей, так называемых «чёрных археологов», вооружённых новейшими металлодетекторами. Единичные обращения археологов настоящих к помощи правоохранительных органов с целью остановить наглый грабёж пока не дали ощутимых результатов. В результате многие археологи и музейные работники склоняются к тому, чтобы заключить своего рода альянс с самодеятельными поисковиками древностей — не мешать их набегам на памятники в обмен на информацию о находках, а то и скупку некоторых из них. Так поступают, например, в Курском государственном областном музее археологии. Ситуация получается сложная и спорная, юридическая и моральная оценка её требует конкретизации для разных лиц и ситуаций⁹³.

⁹¹ См. среди множества беллетризований данного феномена: Выгодно ли искать клады? // Аргументы и факты. 1990. № 9. С. 7; Гуртовой М. Кладоискатель // Московские новости. 1991. № 11. С. 16; Звягин Е. Кладоискатель. Поиски. Рассказы. СПб., 1991; Успенский Э.Н. Если люди копают землю, они непременно ищут клады... // Остров сокровищ. 1993. № 5 (в этом журнальном интервью известный детский писатель признаётся: «Я верил в клады. За территорией моего пионерского лагеря был насыпан курган. Каждый день мы всем отрядом отправлялись на добычу золотых монет... Хватало нас на тридцать лопат, затем все выдыхались и откладывали обогащение на завтра»); Заговорённые клады и кладоискатели. Собрал и пересказал В. Цыбин. М., 1994; Соколовская Я. Профессор Котляр, который знает, где клады лежат // Известия. 1996. 28 мая. С. 5; Непомнящий Н.Н., Низовский А.Ю. Тайны кладов. М., 1999 («Великие тайны»); Низовский А.Ю. Зачарованные клады России. М., 2001.

⁹² Цит. по: Супруненко О.Б. Автобіографічний лист І.Г. Спаського (до 90-річчя від дня народження вченого) // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернівці, 1995. С. 88.

⁹³ См. подробнее: Щавелёв С.П. Российская археология в чёрно-белую полосу (развивая критику Л.С. Клейном незаконной добычи древностей и уточняя отношение к

*Слева направо от зрителя: В.В. Енуков, О.Н. Енукова, А.Н. Апальков
в археологической разведке по Курской области. 1992 год.
Фото автора.*

На счастье науки и культуры собственно клады, как отмечалось выше, отнюдь не находятся по заказу, даже вполне компетентному. Их «характер» остаётся прихотливо-капризным. Лишнее подтверждение тому принесла очередная сенсация такого рода, преумножившая репутацию Курской земли как своеобразного кладового заповедника. Летом 1994 года в селе Гапонове Кореневского района при рытье траншеи экскаватором был обнаружен богатейший клад того типа, который ещё А.А. Спицын назвал «антскими древностями»: общим счётом 411 предметов мужского и женского парадных костюмов, конской сбруи из железа, бронзы, серебра, янтаря и стекла. В силу удивительного стечения обстоятельств здесь же базировалась экспедиция Института археологии РАН под руководством Андрея Михайловича Обломского. Как говорится, везёт тому, кто везёт. По опять же

счастливой случайности сотрудница этой экспедиции Е.Ю. Архипова оказалась в нужный момент на месте находки и сумела захватить большую часть клада, точно зафиксировать условия его залегания. Это позволило археологам провести контрольные раскопки, выявившие раннеславянское поселение V–VI веков новой эры. Сотруднику Курского музея археологии Александру Николаевичу Апалькову довелось тогда с помощью представителей местной администрации и правоохранительных органов собирать по дворам гапоновцев было растащенную ими часть украшений. Одно из них — бронзовую фибулу пришлось отдирать от собачьей будки, куда её прибил нечуждый эстетике механизатор.

Часть Гапоновского клада из Курского областного музея археологии.

Гапоновский клад был монографически опубликован А.М. Обломским и И.О. Гавритухиным (при содействии ряда других специалистов-археологов), а сами вещи из него после реставрации переданы в Курский музей археологии, украшают его экспозицию ⁹⁴.

С этим кладом по музейной роскоши и научной информативности может соперничать ещё одна курская находка последних лет — так

⁹⁴ См.: Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад (предварительная публикация) // Российская археология. 1995. № 4; Их же. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

называемый Волниковский «клад»⁹⁵, о коем уже говорилось мной выше и будет говориться ниже.

* * *

Суммируя все рассмотренные в этом параграфе факты и соображения, позволительно заключить: кладоискательство на юго-востоке Руси-России действительно образует феномен, весьма колоритный и типичный как в собственно историческом, так и в историографическом отношениях. Дошедшие до музеев и учёных монетные и вещевыеклады Курского Посеймья, сведения о несохранившихся в натуре или утаённых корыстолюбцами находках такого рода составляют незаменимый источник для исторических реконструкций соответствующих моментов далёкого прошлого. Часть из них уже введена в научный и культурный оборот, а другая ждёт публикации и толкования.

С другой стороны, поиски и находки кладов именно в этом регионе волей случая или, если угодно, форта самых разных личностей отметили весьма типичные для всей нашей страны вехи оформления определённого отношения к историческим древностям со стороны государства и общества. А именно, от сугубо меркантильного интереса к дополнительному источнику богатства — через невольное любопытство к диковинным свидетельствам далёкого прошлого — к законной оценке памятников родной истории как источников научного знания и просвещённого мировоззрения. Безумная алчность кладоискателя всю дорогу соперничала с высокой любознательностью культурного коллекционера и исследователя. Оба этих мотива, грабительская и охранная тенденции сознания и поведения ещё долго, если не вечно, будут, по всей видимости, сталкиваться на кладовой ниве России и, конечно, Курска и его округи. Эта земля ещё преподнесёт немало удивительных находок из подземной сокровищницы наших предков. Ежели, конечно, не ужесточить мер борьбы государства и общественности с незаконными копателями культурного слоя, вооружёнными современной техникой.

⁹⁵ Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н. э. Каталог коллекции. Курск, 2014. 200 с.